

Даля Трускиновская

Дайте место гневу Божию (Грань)

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Дайте место гневу Божию (Грань) / Д. М. Трускиновская —
«Автор»,

Как найти управу на оскорбивших вас сильных мира сего, если суд людской перед ними бесправен, а суда Божьего ждать придется слишком долго?!
Наберите адрес сервера WWW.UPRAVA.RU – и на помощь вам придут демоны Справедливости, творящие возмездие на собственный, независимый от Небесной Воли страх и риск. Вот только... не ударит ли освобожденная Сила Тьмы еще и по тому, кто призвал ее в наш мир?

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Часть вторая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Даля Трускиновская

Дайте место гневу Божию (Грань)

И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? И кто пойдет для Нас?

И я сказал: вот я, пошли меня.

Книга пророка Исайи, глава 13, стих 21

Пролог

– Убить – проще всего.

Сказавший это не ждал скорого ответа от собеседника. Собеседник же сидел на лавке рядом, справа, довольно широко расставив колени, опираясь локтями о ляжки, и крупные кисти его рук свисали бессильно и безнадежно.

Это был грузный человек, чем-то похожий сейчас на высокий тяжеленный мешок, поставленный стоймя в надежде, что сам сохранит равновесие. Он и хранил – накренившись, расплющившись внизу от собственной тяжести, казалось бы, готовый рухнуть от единого прикосновения пальца.

– Да ты и не сможешь убить, – продолжал тот, что слева, и в голосе чувствовалось облегчение.

Он был невысок, узкоплеч, откинулся назад, словно бы опираясь лопатками на незримую спинку скамьи, тонкие ноги, обутые в узкие длинноносые туфли, вытянул вперед и скрестил. Насколько в позе грузного собеседника ощущалась тяжесть, настолько в позе стройного – легкость, и казалось: убери сейчас лавочку – один продавит собой землю и уйдет туда по плечи, другой же так и останется висеть в воздухе.

– Не смогу, – согласился грузный. Но слишком быстро. Что и было замечено.

Дальше тот, что слева, заговорил красивыми словами, совершенно не удивившими собеседника, – возможно, потому, что не впервые он слышал такие художества.

– Беседа наша – это совместный путь по ночной дороге. Сейчас ты свернул в сторону. И хотя какое-то время мы будем перекликаться, даже довольно связно перекликаться, но ровно то же время будем и удаляться друг от друга. А потом мой голос в твоих ушах станет неразборчив, и ты порадуешься тому, что отпала нужда отвечать.

– Всякий мужчина должен быть внутренне готов к тому, что однажды придется убить врага.

Высокопарные слова прозвучали неожиданно. Словно бы, удалившись вышеописанным образом, мужчина убедился, что его уже не догнать и не остановить.

– И если я этого не сделаю, то кто же я? Да мне в зеркало будет стыдно смотреть! Мне на его фотографию бу... будет!.. А я!.. – голос грузного собеседника оборвался на яростной ноте, на ноте бессильно сжимающей кулаки ярости.

– Убить и пристрелить – не одно и то же.

Они сидели на речном берегу и глядели на далекие луга. Их беседа началась незадолго до заката, а сейчас ночь уже дошла до самого темного своего часа. Луга были очень далеко – если только ночь не подменила их чем-то иным, а с ночи станется, вот ведь и скучный пейзажик городской окраины за спинами собеседников она тоже куда-то припрятала только что, натянула между мужчинами и городом черную тусклую ткань, а на ткани оказались нарисованы покосившиеся и надломленные силуэты вовсе не свойственных среднерусской полосе готических башен.

Видимо, ее же рука положила на белую скамью черный предмет характерной формы. Он лежал между собеседниками, рукоятку к грузному – к правой его руке. Бери и стреляй.

– Если я ничего не сделаю... то мне останется лишь убить себя... Ведь все же ясно, как на ладони! – воскликнул знающий имя своего смертельного врага мужчина. – Если бы у меня было хоть какое-то сомнение! А я все знаю – и вот сижу здесь!..

– Мы вернулись к тому, с чего начали. Даже если ты не убьешь его первым выстрелом, даже если он будет мучаться еще несколько часов, то все равно он уйдет в небытие и избавится от боли, а вот твоя боль увеличится. Потому что ты поймешь несоизмеримость преступления и кары. Кара окажется во много раз легче преступления – а переделать уже не получится.

– Он может остаться калекой, – не очень уверенно возразил жаждущий мести.

– Он немолод, любит поесть, любит выпить, курит по три пачки в день, ходить разучился – даже двести метров норовит проехать на своей «ауди». Еще немного – и калекой он сделает себя сам. Не надо пачкать руки.

– А потом он умрет.

– Разумеется, умрет. А ты останешься жить.

– Я думал, ты дашь мне хороший совет, – проворчал тот, кому жить вовсе не хотелось. – А ты? Ты боишься, что я сяду за убийство с заранее обдуманном намерением на сколько надо лет? Или ты действительно считаешь, что время, Бог, судьба, я не знаю что – отомстит ему?

– Я просто хочу, чтобы преступление и кара были соизмеримы.

Мужчина резко повернулся.

– Что ты придумал?

– Я придумал договор с судьбой, с Аллахом, с кармой, с нечистой силой – как хочешь, так и назови. Из ста шансов пятьдесят – за то, что твоя месть будет единственно возможной, честной и беспощадной. И совершенно безнаказанной. Но пятьдесят других – за то, что она не состоится. Знаешь, как разыгрывают ситуацию в орлянку?

– Мне доставать монетку?

– Нет. Наша монетка теперь спит и сны смотрит.

Самый черный час миновал. Едва-едва, но посветлели небо и река.

– Ну, хорошо, – сказал мужчина. – Что я должен буду сделать?

– Отпустить себя на свободу. Ты знаешь, о чем я говорю.

– Я дал слово.

– Это было еще до того...

– Но...

– Вот именно так. Другого пути нет. А теперь слушай. Начнем с того, что есть такое понятие – справедливость...

Часть первая

В это же время погасло последнее окно в шестнадцатизэтажной башне. Такие башни время от времени получают прозвище «дворянского гнезда», хотя никакие дворяне его, понятное дело, не вили.

Именно в этой башне до сих пор жили семьи давнишних номенклатурных работников. Она просто не представляла никакой ценности – квартиры, считавшиеся роскошными пятнадцать лет назад, теперь не дотягивали до среднего уровня зажиточности. Человеку небогатому, на грани безработицы, они все равно были недоступны, а другому человеку, который в состоянии позволить себе новоселье, кажется дикой мыслью о кухне площадью в девять квадратов.

Комната, в которой горело и погасло окно, была такого размера, что не всякая деловая женщина использовала бы ее под гардеробную. Но она вполне подходила шестнадцатилетнему мальчишке, который сам, персонально, нуждается в узком лежбище – и только, а прочее место отдает невероятной аудиотехнике и компьютеру со всеми его спутниками жизни.

Впрочем, именно этот мальчишка – выключив монитор, он сделал шаг и повалился прямо на одеяло, и заснул, едва успев вскинуть наверх и выпрямить ноги, до того одурел от болтания в Паутине, – еще и книги читал. Не учебники – учебники лежали в рюкзаке и нечасто оттуда добывались. А что-то совсем в его возрасте неожиданное – про карму и астроминералогию.

Он был длинноног и худощав, мясо не поспевало расти за костями, русые волосы слегка вились, в лице уже чувствовалась порода – крупный, правильной формы нос, аккуратные губы, густые брови.

Хотя в семь утра ему бы полагалось вскочить, он сладко спал. Дверь приоткрылась, заглянула женщина. Она сперва улыбнулась, как улыбаются, глядя на спящих детей, воистину любящие матери, потом подошла и осторожно потрясла за остроконечное еще плечо.

– Восьмой час, Герка! Физику проспичь.

– А физику не будет... – пробормотал мальчишка.

– Что так?

– Физичка заболела...

– Ты вчера ничего не говорил.

– У нее ангина...

– Ты все-таки вставай, – не совсем уверенно потребовала мать. – Вам заменят урок. Давай, подымайся! Я сосиски отварила.

– Сосиски? – Герка открыл глаза. – Они еще варятся.

– Вставай, вставай!

Мать потянула за одеяло.

– Ну, мам!

Эта странность не обсуждалась – Герка, разумеется, ходил по городскому пляжу, где его видели сотни и тысячи, в плавках, но решительно не желал, чтобы даже родная мать видела его спростонья в трусах. Она вышла. Две тощие ноги выстрелили из-под одеяла в потолок, пятки шлепнули об пол, Герка вскочил и первым делом включил монитор. Он отправил ночью несколько писем в Америку – ответы вполне могли прийти. Матери пришлось еще раз заглянуть, обратиться к нему со строгостью, и тогда он, натянув джинсы, вышел на кухню.

Ни слова не сказала мать о заболевшей физичке – а выставила сына с его рюкзаком за дверь точно в срок: он успевал быстрым шагом дойти до школы. Сама она взялась наводить красоту – ей нужно было на работу к девяти.

Для этого занятия мать приспособила кухонный подоконник. Окно выходило на юго-восток и утром давало именно тот свет, который требуется, чтобы безупречно нанести макияж.

Сделав ровный тон лба, щек и подбородка, наложив румяна двух цветов – коричневатые чуть ниже, розовые чуть выше, – сделав затем и глаза, она поглядела вниз – не подъехал ли сосед. Сосед примерно в это время пригонял со стоянки машину и ждал жену. Если подсуетиться, можно было поехать с ними.

Но вместо соседского «фольксвагена» мать увидела пересекающих двор подростков, и среди них – Герку. Такая безалаберная прогулка означала, что физика-таки не состоялась!

Она подошла к телефону.

– Приемная? Соедините с кабинетом Богуша. Сказать – звонит Надежда Богуш. Очень важно.

Несколько секунд в трубке играла колокольчиковая музыка, потом мужской голос ответил.

– Гриша? Это я. Слушай, с Геркой опять это было, – быстро заговорила Надя. – Нет, я не схожу с ума из-за ерунды. Он действительно откуда-то знает... Что? Не могу – мне же на работу! Кто из нас сошел с ума?! Ну... ну, ладно... ладно... Пока!

Положив трубку, она кинулась переодеваться. Сорвала тонкий свитерок, выкинула из шкафа блузку вместе с плечиками, выдернула одну, внимательно ее разглядела и швырнула на пол. На лице у женщины было написано: как я могла носить такую мерзость?!?

У нее было нарядное платье для выходов в свет, на узких ляпочках и с вышивкой стеклярусом, классическое маленькое черное платье. Но надевать его с утра пораньше она не могла – тот, кто назначил ей встречу, не должен был даже подозревать, как много для нее эта встреча значит.

Как многие женщины, занимающие не слишком высокие посты, она не имела дорогой повседневной одежды, а обходилась прямыми юбками и джемперочками, летом – легонькими, зимой – теплыми. Но сейчас ей хотелось выглядеть, выглядеть!..

В конце концов она откопала брюки, которые были ей маловаты, надела топ, который тоже мог быть чуточку просторнее, а сверху – длинную расстегнутую блузку. Получилось приемлемо. Соседский «фольксваген» она проворонила, на работу не успевала, но это казалось ей совершеннейшей чушью. Позвонила она не начальству, а подруге, попросила объяснить, что свалилась с температурой, ждет врача.

И это было почти правдой – у нее действительно от волнения обычно подымалась температура.

Свидание было назначено в кафе, о существовании которого знали немногие. Оно работало без вывески и обслуживало исключительно сотрудников прокуратуры и находящегося в соседнем здании городского управления милиции.

Женщина страшно боялась прийти раньше назначенного времени. Она даже зашла на пять минут в недавно открывшийся магазин и встала в очередь у прилавка. Но очередь была коротка – и только нетерпеливый голос продавщицы заставил женщину посмотреть на товар. Это был магазин для садоводов-любителей, и на прилавке под стеклом лежали пакетики с семенами. Она взяла астры двух видов, решив, что если свидание пройдет успешно – она обсадит этими астрами весь дом по периметру!

Вахтер ее знал и пропустил беспрепятственно.

В кафе ее уже ждали. Ей помахал рукой высокий представительный мужчина в темно-сером костюме того графитового оттенка, который почти у всех ассоциируется с элегантностью.

Мужчина был немолод, совершенно сед, но его густые и вьющиеся волосы седина только украшала, тем более, что породистое, несколько тяжеловатое лицо, и благородной лепки нос, и безупречные зубы, и ухоженная кожа были достойны внимания не только тридцативосьмилетней женщины, но даже и двадцатилетних...

– Садись, Надюшка, – он встал, отодвинул, затем опять подвинул стул. – Что будешь?

– Я прежде всего хотела бы поговорить с тобой о Герке. Он совершенно отбился от рук, целыми ночами чатится, потом, не выспавшись, идет в школу, у него уже тройки по физике...

– Я тоже хотел поговорить с тобой о Герке, – весомо сказал мужчина.

– Да? Ты еще не все выслушал. Когда я имею право рассказывать тебе о твоём сыне два раза в неделю по утрам, а ты в это время еще пьешь кофе и смотришь новости по телеку...

Она не хотела ни в чем его упрекать! Это получилось само – а она хотела быть красивой, спокойной, уверенной и немного загадочной, пусть думает, что она всегда с самого утра нарядная, деловая и в прекрасном настроении!

– погоди, Надюшка, не тарыхти, – сказал он, как говорил много лет назад, в безмятежные времена. Как говорил снисходительно и нежно, улыбаясь или даже посмеиваясь – тридцатилетний мужчина, позволяющий командовать собой самоуверенной семнадцатилетней девочке.

Она возмутилась – он не имел права напоминать о безмятежных временах. И вдруг опомнилась – он назначил встречу, значит, не ей от него, а ему от нее чего-то нужно. И она замолчала – откинувшись на спинку стула, глядя несколько свысока. Она поклялась, что больше не будет позорно суетиться, а выслушает то, ради чего бывший муж позвал ее, с каменной миной.

– Наверно, мне следовало пригласить тебя не сюда, а в более приличное место. Но я никак не решался тебе позвонить, – без обычной своей уверенности признался он. – А когда ты сама позвонила, вдруг понял – сегодня или никогда. Ну, в общем... не в обстановке дело...

– Естественно, – высокомерно ответила Надя. – Обычно ведь я тебе звоню. На работу. По-моему, я делаю все, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Она имела в виду: делается все, чтобы молодая жена Григория Богуша не имела ни малейшего повода для беспокойства.

– Надя, давай на минутку забудем про все про это... У меня к тебе вопрос... – он замялся, что было более чем странно, обычно Богуш рубил сплеча и не подыскивал нужное слово по пять минут. – Вопрос вот какого свойства... Скажи – ты могла бы меня простить?.. И принять?..

– Простить?.. Тебя?..

– Мы бы могли попытаться начать все сначала. И ты же сама всегда говорила – Герке нужен присмотр отца...

– То есть как это – сначала? Ты же?..

Она из принципа никогда не говорила с ним о его теперешней жене. Это было ниже ее достоинства!

– Мы с Наташей разводимся, – совсем тихо ответил Богуш. – Думаю, что больше никогда не встретимся. Лично я против того, чтобы мужчина и женщина после развода оставались друзьями. Расстались – и расстались.

– Ты говоришь – начать все сначала?..

Надя не верила собственным ушам. Она знала, что Богуш никогда к ней не вернется, она знала, что мечтать об этом и представлять в воображении сцену с бывшим мужем на пороге (громкое падение на колени и сотню алых роз она даже в мечты не допускала, потому что ненавидела пошлость всеми силами души) – смешно и нелепо. Она даже запретила себе вспоминать минуты близости – было, кстати, забавное время, когда она пыталась перебить эти воспоминания другими и отметилась в нескольких совершенно ей не нужных постелях.

– Почему бы и нет?

– Ты даже не подумал спросить – свободна ли я...

Он поднял глаза. Тревога была очевидна: во-первых, он действительно не подумал, что женщина в тридцать восемь лет не станет хранить верность бывшему супругу, а во-вторых – он пытался понять, с кем она связалась и каковы шансы того мужчины.

– Допустим, Надюшка, у тебя кто-то есть. Ты красивая женщина, почему бы и нет. Но раз ты не вышла за него замуж, значит, это у тебя так, для постели. Ты знаешь, что отца Герке

он не заменит. А я – отец все-таки. Я когда-нибудь сквалыжничал насчет денег? Ты звонила – я сразу давал сколько нужно.

Что правда, то правда – деньги у Богуша всегда водились. Иногда – очень большие. И в последние годы их супружества Надя обратила внимание, что он норовит поскорее от этих денег отделаться. Как-то даже поехал в деревню, дал вдовой тетке денег на новый дом, хотя накануне долго вспоминал и не мог точно припомнить теткин фамилию. Но это было чуть ли не десять лет назад...

– Попробовал бы ты не дать для своего единственного сына...

– Давай съедемся, – предложил он. – Давай просто попробуем пожить вместе. Не получится – ну что же, значит, не судьба. Но я думаю, что получится. Ведь что мешает молодежи спокойно жить? Быт! А у нас будет домработница. Герку переведем в лучшую школу...

– Он и так учится в хорошей школе. Ему только нужен репетитор по физике и, конечно, по английскому.

– Что же ты раньше не сказала?

– И еще я хочу его показать какому-нибудь специалисту... пусть разберется...

– Ты про эти способности? Надюшка, мне что-то кажется, будто вы с Геркой их сами сочинили.

– Но, Гриша, он чуть ли не каждую неделю выдает такое, что я лишаюсь дара речи! Вот сегодня – еще не проснулся, а уже знал, что физики не будет.

– Просто он очень хотел, чтобы ее не было.

– В пятницу пришел встретить меня с работы. Вместе со мной увязался в универсам. А там, ты не поверишь, там у меня чуть кошелек не утащили! Он этого парня схватил за руку, парень вырвался, кошелек упал на пол! А в кошельке – деньги на пальто!

– Совпадение, Надюшка.

– Гриша, он у Дашкиевых клопов вывел!

– Да ты что?! – тут Богуш действительно изумился.

– Честное слово! У них сосед-алкаш, живет как на помойке, клопов развел и даже не думает травить! Они и пришли. Мне Любка Дашкиева на кухне жаловалась, а он услышал. Где, спрашивает, клопы? Давайте, говорит, я попробую! В общем, пошли мы туда. Он встал посреди комнаты. Что, клопы, говорит, спрятались? А ну, все вон отсюда! Как приползли – так и уползайте! Дашкиевы думали – свихнулся ребенок. Знаешь, как неловко было? Я его чуть ли не за ухо увела, всю дорогу ругала. Через неделю заявляется Любка с тортом! А торт с кремом, со сливками, жирный, Герка половину слопал, его пронесло...

Богуш расхохотался.

– Что же он себе пузо не заговорил?

– Откуда я знаю! – и Надя сама рассмеялась.

– Где бы ты хотела жить? – спросил он. – Можно купить квартиру в старом доме, а можно в недостроенном – тогда там даже планировка будет как нам надо. Герке целую комнату выделим, не какую-то нору. Через два года машину ему купим.

– Какой ты добрый! – как можно ехиднее заметила Надя, не могла же она сдаваться совсем без боя.

– Надюшка, мне уже шестой десяток. Для кого работать, если не для Герки? А? Кто у меня еще есть? – он покачал головой. – Знаешь, обычно, если мужик ничего в жизни не добился, он старается последнее в детей вложить, пусть хоть они поживут по-человечески. А я ведь не пустое место, не пятое колесо в телеге. Ты пойми – я, как тот мужик, все сделаю, чтобы Герка жил лучше меня! Так что кончай ты сомневаться...

– Я так не могу, – отрубил она. – Я с Геркой должна посоветоваться. Как он скажет – так и будет. Вот если он тебя простит, если он тебя примет...

– Да?..

И об этом он, конечно же, не подумал, слова «дети» и «предательство» лежат в его словаре слишком далеко друг от друга, догадалась Надя. О том, что ребенок может не простить отца, который его бросил, он задумался только теперь! Хорош гусь!..

– Может быть, я лучше сам с ним поговорю? Попробую ему все объяснить?.. – неуверенно предложил Богуш.

– Ну, попробуй... Объясни, где ты столько лет пропадал!

– Я же с ним встречался!

Тут Наде стало жутко – она предположила, что Григорий не просто встречался с сыном, но тот, соблюдая конспирацию, не обо всех встречах докладывал матери. И хуже того, он ведь мог приходить тайком в гости к Богушу и видеть там молодую Наталью Богуш, ненамного себя старше!..

– Я сама с ним поговорю! – она вскочила.

– Уходишь? – он тоже поднялся. – Я позвоню тебе вечером.

Потом Богуш шагнул к бывшей жене и поцеловал ее в щеку, как целует муж жену перед совсем недолгой разлукой.

Она спешила не домой и даже не на работу – леший с ней, с работой! Она спешила в школу, чтобы перехватить Герку на перемене.

Ничего ему объяснять не пришлось.

– Ты что, с отцом повидалась? – спросил сынок. – Мои косточки, что ли, перемывали?

– Гера, я должна с тобой серьезно поговорить...

– У нас сейчас сдвоенная химия, а я еще формулы не нарисовал! – решительно предупредил сын. – Когда он сегодня звонить будет, ты дай мне трубку, ладно?

И поспешил следом за одноклассниками.

Надя прислонилась к стене. Сердце билось прямо в ушах...

Забыв про свое температурное вранье, она понеслась на работу, а там, естественно, поцеловалась с начальницей. И обратного пути уже не было – Надя сгоряча пообещала, что сию минуту напишет заявление по собственному желанию, написала, вручила, и теперь могла бы прожить только при финансовой поддержке Григория.

И тут же она стала ругать себя – собралась возвращаться к мужу, совершенно не понимая его поступка. Куда же он подевал молодую Наталью? Что она ему такого преподнесла, раз он собрался возвращаться в прежнюю семью?

Надя ждала подвоха, подвох был – просто она его еще не видела. А она хотела точно знать свое положение. Мало ли – Григорий просто поругался с Натальей? Ну, не просто – основательно поругался. И через месяц затоскует по молодой? И начнется всеобщая нервотрепка!

Нужно сходить к Диляре, так решила Надя, возможно, бывшая однокурсница что-то знает про Богушев развод...

Это было какое-то нелепое везенье – Диляра жила мало того что в одном доме с Богушем, мало того, что на одном этаже – так еще и имела общую с ним стенку. Вечером и ночью все было слышно просто замечательно. Вот только подъезды были разные – иначе Надя вообще боялась бы ходить в гости к Диляре. Но иногда она запрещала себе делать это – узнавать о жизни Богушей означало лишь безнадежно и бессмысленно травить душу.

Найдя работающий автомат, она позвонила Диляре на работу, там сказали, что Абузарова уже год как уволилась. Пришлось звонить домой.

– Можно, я к тебе зайду на минутку? – попросилась Надя и сама удивилась, как жалобно это прозвучало.

– Только на минутку, – строго сказала подруга. – Я Ильдарчика укладываю. У нас сегодня животик пучило, мы еле успокоились.

Надя только вздохнула – уже третья из ее однокурсниц на пороге сорокалетия взяла да и родила ребенка. Впридачу к тем двум, с которыми уже не надо нянчиться. Как-то Диляра,

носившая своего второго, объяснила ей, что у многих женщин, чьи дети уже ходят в садик, возникает тоска по маленькому. По крошечному, с такусенькими ручками и ножками, по беспомощному и полностью принадлежащему маме... Надя этого не могла понять – ей как раз нравилось, что Герка становится самостоятельным.

Оказалось, все не так страшно – к Диляре приехала из Казани свекровь, она взяла четырехмесячного Ильдарчика побаюкать, а подруги уселись на диване.

Диляра после того, как местная мусульманская община выстроила в городе мечеть, а ее муж Ашкер стал из инженера-строителя преподавателем в медресе, изменилась по меньшей мере внешне. Она соблюдала аврат – даже дома носила платок, полностью закрывающий волосы, длинные платья, правда, все это было красивое, дорогое, по-своему изысканное.

Сейчас платье было синее с золотом, а платок бело-синий, с восточным узором, и Надя немного позавидовала подруге – та тратила деньги на домашнюю одежду, потому что женщине-мусульманке положено наряжаться лишь для мужа, Надя же который год носила два застиранных халатика, летний и зимний, и сейчас по-настоящему осознала их убожество. Вовремя осознала – она еще успевала пробежать по магазинам и до появления Гриши прикупить каких-нибудь пеньюаров...

– Вернулся, говоришь? – переспросила Диляра. – Одно я тебе скажу, подруга, – не потому, что он с Наташкой поссорился, и не потому, что у Наташки кто-то другой завелся. Они сколько лет вместе прожили – пять?

– Семь.

– Если бы ссорились – мы бы знали. Наверно, просто любовь кончилась. Такое бывает... Ты вот что – ты первым делом ребенка ему рожай, чтобы у Герки был братик. Мужчинам в таком возрасте очень нужен маленький, они даже сами не знают, насколько он им нужен...

Эти рассуждения Надя пропустила мимо ушей – скорее всего, они относились к мужчинам-мусульманам, а Григорий вообще вне всяких религий. К тому же, она так тяжело рожала Герку, что потом предохранялась не хуже того перестраховщика из анекдота: два презерватива, сверху гипс, поверх гипса – еще три презерватива, и никаких половых контактов!

Но в каком-то смысле Диляра оказалась права – вся эта история была замешана именно на ребенке. Когда Надя пришла к ней в следующий раз, подруга уже могла обрадовать ее правдой.

– Наташка вот что велела тебе передать...

– Ты с ней говорила?! – ужаснулась Надя.

– А что? Так вот, передавала, чтобы ты на нее зла не держала, и она на тебя зла держать не будет. Что было – то прошло. Забирай своего Богуша и будь с ним счастлива. А ей нужна нормальная семья – не только старый муж, но и дети. Они очень хотели ребенка, сперва думали, все само собой получится, потом проверились. Виноват он. Он ходил по врачам, но все без толку. Была в молодости какая-то инфекция, недолечился. То, что у вас Герка родился, – просто чудо. Так что поставь свечку за Наташку – что предупредила...

– погоди!.. Так это что же?.. У него, кроме Герки, нет и не может быть других детей?!

– Ну да! Да! Да! – радостно закричала Диляра. – Велик Аллах – видишь, и о тебе вспомнил! Теперь у Герки будет знаешь какой отец?! Да он все для ребенка сделает! Твой Герка хоть в Оксфорд, хоть в Кембридж учиться поедет! Богуш вам новую квартиру купит! Эту Наташке оставит, вы в другую переедете – ну? Ты что?..

Надя и не хотела, а заплакала.

Она была счастлива за сына – и одновременно ее до боли изумила внезапная тревога. Кончилось какое-то несуразное, но очень хорошее время, когда она одна растила сына, одна знала все его проблемы и решала их как умела. Теперь ей придется впустить в их налаженную жизнь отца – а как?.. И кем она сама будет тогда – бесплатным приложением к собственному ребенку?..

Тоска по маленькому наконец-то обнаружилась: Надя хотела, чтобы Герка принадлежал только ей, и как можно дольше. Она уже заранее ревновала... А вся тоска по Богушу, скопившаяся за семь лет разлуки, оказалась глупой, ненужной, бестолковой и недействительной...

Однако искушение было сильнее. Когда Богуш позвонил и повторил свое предложение, она согласилась.

Герка же и вовсе пришел в восторг. Он ладил с отцом куда лучше, чем полагалось бы брошенному ребенку. Но была и другая логика.

– Теперь ты перестанешь со мной нянькаться, как с маленьким, – прозорливо сказал Герка. – Ты будешь батьке борщи варить.

– Разве я с тобой нянькаюсь?..

– А то!

Надя замахнулась на сына мочалкой для посуды. И вдруг расхохоталась. Она всегда знала, что судьба повернется на все сто восемьдесят – вот это и произошло!

Неделю спустя мир переменялся – стал куда труднее, хотя одной заботы у Нади уже не было – заботы о деньгах. До сих пор ей почти не приходилось принимать решений. На работе она выполняла распоряжения, а дома и распоряжаться, в сущности, было нечем, только откладывать из зарплаты на одно, другое, третье. Покупки совершались по принципу: недорого, неброско и чтобы надольше хватило.

Богуш уточнил – действительно ли ей хочется купить квартиру в недостроенном престижном доме. Надя ответила, что не хочет травить клопов и тараканов в исторической развалине. Богуш пожал плечами и повез ее посмотреть намеченный недострой. Они забрались на третий этаж – и Надя обалдела. Ей показалось, что Григорий спятил и вздумал поселиться в спортивном зале. Он объяснил, что перегородки поставят по их желанию, и помещения не будут казаться огромными – там встанет хорошая массивная мебель.

Тут-то и кончилась Надина счастливая жизнь. Она не стала искать работу, потому что Богуш доверил ей устройство их нового дома. Он познакомил с архитектором и дизайнером, высказал пожелание – чтобы его кабинет был метров восемнадцати-двадцати, не больше, с маленькой барной стойкой красного дерева, а камина вовсе не надо, – и уехал.

С Нади семь потов сошло – она не понимала и половины того, о чем толковали импозантный архитектор и экстравагантная дизайнерша. Рассердилась она, естественно, не на себя, а на них, рассталась с ними как-то прохладно и решила взять власть в свои руки. Почему-то она начала с покупки кафеля. Объездив самые дорогие магазины, ужаснувшись ценам и растерявшись от изобилия, она обнаружила, что не знает – сколько кафеля нужно вообще. Продавец пришел на помощь – спросил для начала, сколько будет ванных комнат. Надя несколько секунд потрясенно молчала, потом кинулась звонить мужу.

– Да ты что, Надюшка? Ты же два часа с архитектором сидела! – удивился Богуш. – Значит, так: при моей спальне, при твоей спальне, Герке хватит душевой кабинки, и еще гостевой туалет.

– Гостевой туалет? – переспросила Надя.

– Ну, ты же не захочешь, чтобы уборщица пользовалась твоим унитазом? Ладно, извини, у меня посетители.

Из магазина она позорно сбежала.

В конце концов очертания квартиры обрисовались и началась суета. Надя покорно ездила то вместе с архитектором, то вместе с дизайнером, выбирала сантехнику, выбирала камин, выбирала люстры, выбирала ковры и коврики, в конце концов ее заставили выбирать и кухонные полотенца.

Она приехала домой в легкой истерике и вспомнила, что еще нужно купить белый костюмчик для повторной регистрации брака. Григорий уже несколько раз ей напоминал, что пора договариваться с парикмахером, с визажистом, еще с какими-то профессионалами, и

Надя, собравшись с силами, опять оделась и вышла из дома. Она поехала к давней подружке Раиске – во-первых, недалеко, а во-вторых, Раиска устроилась продавщицей в большой торговый дом. Этот торговый дом всегда казался Наде заведением для миллионеров. Подружка все поняла и потащила Надю вдоль прилавков туда, где как раз висели подходящие костюмчики...

– Ты сколько за это отдала? – спросил потрясенный Богуш.

– Гришенька, совсем недорого!.. – растерялась Надя.

– Ага, понятно. Вот первое, что мы подарим нашей домработнице. Надюшка, ты что – журналов не читаешь? Не знаешь, как нормальные женщины одеваются? Договорись с Лизой, она тебя отвезет в салон, там тебе что-нибудь подберут, и не вздумай экономить. И так уже Лизка рассказывает, как ты на полотенцах гроши выгадывала!

Дизайнерша Наде не нравилась – в ней было слишком мало от женщины в Надином понимании слова и слишком много непостижимого выпендрежа. Однажды она при Наде закурила сигару, в другой раз пришла с зелеными прядями в лиловых волосах, а одевалась она, может, и по журналам, да только как-то жутковато...

За всеми этими делами Надя совсем забросила Герку и только махнула рукой, узнав, что он окончил четверть и год с тройкой по физике, а также с другими тройками, не такими опасными.

А чего еще ожидать от парня, который был вынужден больше заниматься батькиным переездом, чем уроками? Богуш, как и собирался, оставил квартиру Наталье, которая сразу сделалась богатой невестой, а сам перебрался к Наде с Геркой до того близкого дня, когда закончится отделка новой квартиры.

Богуш настоял на том, чтобы они расписались как можно скорее. Он словно старался закрепить свои права на сына. Герка только хмыкал и плечами пожимал от проявлений батькиной любви. Первым делом Богуш отменил дисциплину...

– Ему девок портить, а не телевизор с тобой смотреть, – решил он и назначил крайний срок возвращения домой в полночь, а если не получается – позвонить и доложить.

Герка воспользовался свободой и деньгами не в том смысле, какой был близок и понятен отцу. Он отправился в какой-то загадочный институт духовного совершенствования (состоявший, как выяснилось, из одного человека, исполнявшего все роли, и директора, и профессора, и консультанта, и уборщицы), потом – в не менее странный центр парапсихологических возможностей, потом еще ездил к женщине, о которой прочитал в газете, будто у нее живет домовая в виде маленького мохнатого старичка. Герка искал людей, которые помогли бы ему разобраться с его странными способностями.

Естественно, парню везло исключительно на шарлатанов. Парапсихологические возможности ему предложили отточить на семинаре стоимостью мало чем поменьше новой батькиной квартиры. Аргумент был знатный – приедет сам профессор Бобкович!

– Да вы еще даже помещение для семинара не сняли! – возмутился Герка. – И профессор Бобкович уже три месяца как умер!

– Откуда, позвольте спросить, такая информация? – ядовито осведомилась сотрудница центра.

– Да видно же! – Герка показал на фотографию покойного, которую обнаружил тут же, в центре, на обложке тоненькой брошюры про гипноз и зомбирование.

Когда он вечером рассказал отцу про фотографию, тот призадумался.

– А что, Надюшка, может, у нас в самом деле Давид Копперфильд вырос?

– А я тебе о чем говорила? – возмутилась Надя. – Мне иногда страшно становится, такое он брякает!

– Ты знаешь, сколько зарабатывает Копперфильд? – спросил тогда Богуш. – А то еще был такой Ури Геллер. С Геркиными тройками, Надя, ему прямая дорога в факиры. Вот скажи, сын...

Это слово батька выговорил с особым удовольствием.

– Ну?

– Ты на юрфак хочешь?

– Ну... – Герка пожал плечами и сквасил рожу.

– Вижу. Вот на юрфак я бы устроил даже дауна – но тебе туда не надо. Иностраные языки?

– Какой смысл? – спросил Герка. – Через пять лет все будут спикать на английском как Шекспиры. И переводчики пойдут в дворники – дружными колоннами.

Он вспомнил, что факультет во все времена был девичьим, и добавил – с большим, впрочем, сомнением:

– Или замуж...

– А немецкий? Испанский?

– Кому он нужен, этот немецкий...

– Менеджмент? Управление производством? Финансы? Ты что, банкиром не хочешь стать?

– Хочу, – честно признался Герка. – На две недели. Это, наверно, страшно скучно. А за две недели я там свой порядок наведу...

– Гриша, он ведь даже не знает, как сто долларов выглядят, – напомнила Надя. – Для него «банк» – пустой звук.

– Это правда? – изумленно спросил батька. – Надя, я же постоянно посылал деньги!..

– Рублями.

– Ага! Понял! – Богуш выскочил из-за кухонного стола, побежал в спальню, полез во внутренний карман висевшего на спинке стула пиджака. Вернулся он с портмоне в руке.

– Держи, сын. Вот это – один доллар, храню на счастье, но для тебя не жалко. Это – пять, это – десять... куда двадцатка задевалась... ладно, будет и двадцатка... Это – полсотни! А это – сотня! Забирай! И чтоб я больше от матери жалоб не слышал – живого доллара не видел!

Герка ойкнул.

Богуш радостно смотрел, как сын сгребает с кухонного стола банкноты.

– Что, Надюшка? Поднимем ребеночка? Сделаем из него настоящего мачо?

– Да ну тебя, – ответила Надя. – Хватит его баловать, нос задерет.

– Вот и замечательно!

Герка деньги припрятал в надежде найти нормальные курсы, чтобы летом походить и хотя бы разобраться в себе. Он хотел понять, что за голос иногда произносит в голове слова, которые прозвучат часа через два-три, а то и через неделю. Он также хотел знать, что означают линии на внутренней стороне век, прямые и округлые, которые образуют примитивные рисунки, где нет ни одной детали, а только суть...

У него была бы по физике не тройка, а двойка, если бы время от времени он не слышал голоса и не видел линий. Только поэтому он иногда мог правильно начертить на доске схему опыта. По тому, как кивала учительница, он понимал – ее мысль опережает движение его руки и, очевидно, ему удастся как-то считать эту примитивную учительскую мысль, вынуть из физичкиной головы простенькую картинку белым по черному, которая там хранилась лет двадцать. Но во время контрольных все в нем молчало, словно бы внутреннее ухо не знало, к чему прислушиваться, а внутренний глаз – к чему приглядываться.

Он еще походил по объявлениям – и в один прекрасный вечер позвонил, что заночует у товарища. То есть, вечером это время считал Богуш, а для Нади уже наступила ночь. Муж давно уже улегся в постель, а она в халатике бродила по квартире, в глубине души полагая, что ее материнское беспокойство – вещь не менее обязательная, чем чистка зубов перед сном.

– Как зовут товарища-то? – весело спросил Богуш, и, прикрыв трубку рукой, лихо извещил Надю: – Застрял у бабы!

– Юрий Денисович Буханцев, – ответил Герка. – Ты знаешь, батька, какая у него библиотека?!. Тебе и не снилось! Мы тут опыты с картами делали! Батька, я нашел то, что мне нужно!

– Какие еще опыты с картами? – забеспокоился батька. – Ты во что там играешь? Немедленно прерывай игру, я сейчас за тобой приеду!

– Да ты что? Это не те карты! Их пять штук, и я их угадываю! У меня в первой серии шестьдесят два процента попаданий, мы попьем чаю и проведем вторую серию!..

– Карты угадываешь? Это что-то новое... Герман, если это игра на деньги, ты скажи – да, просто – да, и я за тобой приеду.

– Господи, что еще стряслось?! – Надя кинулась к постели и попыталась забрать у мужа трубку.

– Нет же, нет! – завопил Герка. – Не надо меня спасать! Тут никаких денег, тут только книги! Юрий Денисович меня тестирует! Он – настоящий парапсихолог, ясно? Настоящий! Хочешь, я ему трубку дам?

– Ну, дай... .

Богуш насупился – предстояло какое-то дурацкое объяснение.

– Григорий Леонидович, извините, что так нелепо вышло, – густой мужской голос поражал проникновенностью. – Мы тут тестированием увлеклись. Я – не шарлатан какой-нибудь и не гомосексуалист. Я тут, собственно, проездом, остановился у товарища, а вообще я из Москвы, работаю, извините, в номерном институте...

– Они еще остались?

– Ну, название-то моя контора поменяла, а профиль тот же – психогигиена, психотехники, мы же и с космонавтами работали, и... . Впрочем... . Извините, Григорий Леонидович... . Если вы настаиваете, я Геру привезу. Сдам с рук на руки! Только я ведь к вам ненадолго, а тут такая встреча! У вас замечательный парень, Григорий Леонидович, способности изумительные, с ним работать и работать! Сейчас у него шестьдесят два процента, а во второй серии будет семьдесят, я просто уверен!

– Что за проценты такие?

– Попросту говоря – чтение мыслей на расстоянии. Есть пять карт с разными рисунками, я в одной комнате беру карту, гляжу на нее, в другой комнате Гера рисует, и так – сто раз. Это совершенно классический опыт, американцы его даже так проводили: индуктор был на суше, зато реципиент – на подводной лодке. Погодите, если у меня будет возможность поработать с вашим сыном – он такие чудеса покажет! По-моему, у него должна быть способность к телекинезу.

– По-моему, вы мне пудрите мозги... . – неуверенно сказал Богуш.

– Григорий Леонидович, я сейчас вам докажу, что вы ошибаетесь. Назовите подряд шесть слов – увидите, что будет.

– Ну... . – Богуш обвел глазами спальню. – Роза, огурец, собака, куб, термос, лошадь. Что дальше?

Розы были на диванной подушке, узор «турецкие огурцы» – на коврике, пластмассовую собачку на колесах Надя купила для чьего-то ребенка, выключенный телевизор на тонких ножках висел в воздухе черным кубом, термос нужно было принести с кухни – Надя утром любила выпить кофе прямо в постели, а лошадь как-то неожиданно пришла в голову.

– Хорошо. На вас, Григорий Леонидович, коричневый бархатный халат и черные кожаные тапки. В спальне, откуда вы со мной говорите, полумрак, горит настольная лампа, шторы задернуты, они тоже коричневые с розовым, с полосками, что ли, знаете, бывают такие тканые полоски... . Ваша супруга сидит рядом, она в голубом халатике, у нее короткие светлые волосы, сейчас она взяла вас обеими руками за плечо, у нее серебряный перстень...

– Вам что, Герка подсказывает? – удивился Богуш.

– Нет, Гера пока еще так не умеет, это я сам. Еще в вашей спальне пахнет чем-то сладким, но не женскими духами...

– В самом деле... Надюшка, чем у нас пахнет? – шепотом спросил Богуш.

– Гриш, ты только не сердись – у нас в шкафу моль завелась, я брызгалку купила, полдня проветрить не могу...

– Ну, ладно, убедили. Только чтоб утром позвонил, – сурово приказал Богуш. – Но странно все это...

– Да, кажется странным, – согласился незримый Буханцев. – Дэвид Копперфильд тоже кому-то казался не от мира сего. Спокойной ночи!

– Вот те на... – пробормотал Богуш. – Надюшка! А ведь мы Копперфильда родили!

– Гриша, мне все это страшно не нравится, – твердо заявила Надя. – Герка непонятно где, непонятно с кем, на нем ставят опыты... Гриша, я читала про зомби...

– Ну, ты, Наденька, махнула! Ты еще вампиров пристегни. Это ж надо – Копперфильд... Знаешь, сколько у него миллионов?

– Гриша, ты действительно хочешь, чтобы наш ребенок стал фокусником?

– А кем он, по-твоему, должен стать? Рекламным агентом? Надюшка, ты как с теми полотенцами... Пойми – у тебя теперь другой уровень! – принялся внушать Богуш. – Герка же не будет ездить с бродячим цирком по захолустью. И способности у него действительно есть – ты мне все уши прожужжала. Если он будет двигаться в этом направлении – то он добьется настоящей славы! «Герман Богуш, первый маг России» – звучит, а?

– Вот только магии мне тут не доставало...

– Это рекламный трюк. Надь, ну что ты? Хочешь, чтобы Герка стал учителем географии? Сантехником? Автомехаником? Наверно, это я виноват – вы с ним жили в таком кругу, где автомеханик – это круто. Ну так нет у тебя больше того круга, пойми наконец! Надюшка, кончай дуться!

Богуш притянул к себе жену, завалил, стал целовать – тем их спор и кончился.

Утром приехал бледный после бессонной ночи Герка.

– Батька, это такие люди! И Юрий Денисович, и Золотов!..

– Что еще за Золотов?

– А это врач-гипнолог, мы как раз у него были! Батька, я столько понял...

И Герка задумался.

Богуш смотрел на сына и чувствовал себя, как в самолете перед самым взлетом. Еще чуть-чуть – колеса оторвутся от бетонки и машина резко пойдет вверх, и ощущение легонькой перегрузки, от которой спина немного вдавилась в кресло, будет хмельным и радостным...

– Если нужно будет ехать к нему в Москву, я не против, – сказал Богуш. – Надо же, свой Копперфильд... Надюшка, ты не представляешь, как я благодарен тебе за Герку!

– Почему же? Представляю! – не удержалась Надя и тут же испугалась – вот сейчас он сообразит, что ей все известно, и даже вычислит откуда – от самой Натальи через Диляру! Но Богуш не расслышал намека.

* * *

Странный это был допрос. Во-первых, следователь и подозреваемая хорошо знали друг друга. Они в школе сидели за одной партой. Во-вторых, у подозреваемой было безупречное алиби. В час, когда совершилось преступление, ее видели несколько сот тысяч человек.

И даже более того – в течение по меньшей мере двух суток до преступления она не оставалась одна. Днем она живмя жила на работе, где даже каждый ее телефонный звонок совершался при большом стечении народа. Продукты она покупала не в городском магазине, а в служебной кулинарке, где тоже была на виду. Домой ее отвозила коллега, она же заезжала за

ней утром, только уже не домой, а к свекрови. Ее свекровь серьезно заболела, и она провела там обе ночи вместе с сестрой мужа, причем отсыпались они по очереди. Так что не нашлось бы и пяти минут, чтобы они не были хоть кем-то проконтролированы.

И примерно две недели до роковой ночи тоже были под завязку набиты свидетельствами об алиби. Можно было, конечно, отыскать маленькие щелки и несостыковки – но следователь понимал, что бывшая одноклассница действительно ни при чем.

У нее был враг по имени Вадим Игнатьевич Кузьмин – и она боролась с этим врагом дозволенными средствами: организовала газетные публикации, телепередачи, привлекла внимание прокуратуры. Если бы она хотела просто уничтожить врага – то, наверно, не подняла бы вокруг него столько шума.

Так обстояло дело с предполагаемой преступницей. Что касается жертвы, то жертва эта собиралась на несколько дней съездить по важным делам в Москву, и все знали, что с четверга по понедельник эта самая личность будет отсутствовать. Все – двести с лишним человек персонала больницы, в которой жертва занимала весьма ответственный пост.

Но именно за двое суток до беды выяснились две неприятности, помешавшие жертве отбыть на уикэнд. Это оказался, во-первых, обыкновенный инсульт, уложивший в постель важного чиновника Минздрава, аудиенция у которого была назначена чуть ли не за полгода; во-вторых, срочный отъезд за границу другого нужного человека. Услышали об этом лишь трое – единственная дочь жертвы, Галина, затем – подруга Кузьмина, медсестра Леночка, и еще один приятель, вместе с которым жертва планировала отправиться в Москву. То есть – лишь трое знали, что Вадим Игнатьевич Кузьмин остался дома и, не запланировав на эти дни серьезных дел, решил один раз просто-напросто отдохнуть. А из них троих только Леночка знала, где он собрался отдыхать, потому что, с радостью используя отгулы, поехала вместе с ним...

Итак, на первый взгляд эти два человека, уважаемый врач, достойный всякого уважения, и известная тележурналистка, любимица зрителей, в течение двух суток не имели ни малейшего соприкосновения. Но когда чудом спасшийся от смерти Кузьмин был спрошен следователем, подозревает ли он кого-либо, он сразу решительно назвал имя журналистки.

Хотя даже очень опытная и сообразительная журналистка не могла предвидеть, что солидный человек, врач с тридцатипятилетним стажем, забредет зимней ночью в какую-то совершеннейшую трущобу, в самую сердцевину нежилого, сплошь состоящего из аварийных домов квартала, что кто-то там заедет ему в челюсть хорошо поставленным ударом, врач очнется почему-то в подвале, придавленный кучей каменного угля, со сломанной ногой, будет без всякого результата звать на помощь, попробует выбраться сам, потеряет сознание и настолько обморозит в этом проклятом подвале обе руки и обе ступни, что встанет вопрос об ампутации.

Но то, что руки и ступни уцелели, было сомнительным счастьем – барахтаясь и извиваясь, Кузьмин расколыхал нависшую над ним сбоку наподобие козырька часть кучи, она поползла и чуть не свернула ему шею. Во всяком случае, два позвонка пострадали настолько сильно, что даже после операции, сделанной лучшими специалистами, Кузьмин остался при одной действующей руке – и то левой. Тело было парализовано. Он мог только говорить, помогая себе нелепыми взмахами уцелевшей руки, – и он говорил!

Он упорно называл имя – Ольга Чернолуцкая.

– Но, Саша, галлюцинацию ведь к делу не пришивают, – сказала Оля. – Ему померещилась я, точно так же мог померещиться Степанов или Катя Обрезкова...

– Кто это такие? – спросил Саша, быстро записывая фамилии.

– Можешь проверить – тоже... пострадавшие...

– То есть – по публикациям?

– Но что интересно, – ему померещились не Инна Степанова, не Обрезковы, не моя Лариска! Не те, кого он отправил на тот свет! – воскликнула Оля. – Про них он и не подумал!

Ему померещилась я! Наверно, потому, что все знали – я не успокоюсь, пока не засажу его за решетку! Если бы понадобилось – я бы Интерпол подключила!..

Она вдруг замолчала, сообразив, что никакая решетка Кузьмину больше не страшна.

– Но его наказал Бог...

– Да, его наказал Бог, – согласился Саша, раскладывая газетные вырезки из прозрачной папки. – Инна Степанова... привезли с острой сердечной недостаточностью... муж узнал о ее смерти три дня спустя...

– Они даже не попытались найти хоть кого-то из близких! А у нее в сумочке был блокнот с телефонами. Когда Сергей Михайлович пришел к Кузьмину, тот клялся и божился, что и вещи пропали, и документы пропали, и вообще никакой Степановой в больнице знать не знают. Сергей Михайлович заплатил санитаркам, и ему принесли кофточку и сумку. Денег в сумке, конечно, уже не было, косметики тоже, а блокнот – он же никому не нужен...

– Ты не допускаешь, что по каким-то показаниям ей действительно не могли помочь сразу? Я не врач, но...

– Допускаю, – согласилась Оля. – Но зачем же он врал? Если бы он сказал честно – да, привезли без сознания, да, один хирург был на операции, другой отсутствовал, редкая группа крови, непереносимость антибиотиков... ну, хотя бы попытался оправдаться! Но он – врал!

– Не ори, пожалуйста, я не глухой, – одернул следователь тележурналистку. – Теперь – Обрезковы, Людмила и Борис...

– Да там же все написано, Саша. Ты хочешь убедиться, что я помню наизусть? Ловишь меня на оговорках?

– А если даже так? – он выдержал паузу. – Я хочу быть уверен в том, что ты перед законом чиста, прежде чем закрывать это дурацкое дело. Если я его сейчас на скорую руку закрою – этот сукин сын будет своей левой клешней строчить кляузы в ООН и в ЮНЕСКО! А оттуда их будут спускать к моему начальству. Так что давай отвечай.

Следователь Фесенко не первый год сидел в этом кабинете (и за этим самым обшарпанным столом, кстати говоря, и при самодельном калорифере, изготовленном собственноручно в те легендарные времена, когда торговля знала слово «дефицит», и обогревательных приборов два года как не было ни на прилавке, ни под прилавком), не впервые он сталкивался и с обыкновенным человеческим безумием. А поговорку «врет, как свидетель» он однажды сам придумал, как заново придумывает ее каждый молодой сыскарь, пытаясь расследовать хотя бы элементарный угон машины в присутствии десятка ротозеев. Правда, допрашивать одноклассников ему еще не приходилось. Телезвезд – тем более. И невысокий, плотный, с пивным животиком, с круглой лысинкой Александр Ильич чувствовал себя нелепо рядом с по-модному тощей элегантной светской дамой, с которой, было дело, как-то целовался в темном закутке за школьной сценой.

– Обрезковы попали в автокатастрофу, – сказала Оля. – Столкнулись две машины. Одна «скорая» повезла Обрезковых во вторую городскую, другая – водителя второй машины в травматологическую. Водителя сразу же с носилок перевалили на операционный стол, Обрезковы лежали в коридоре около суток. Катя ничего не знала, она была в Крыму. Когда она приехала – еле нашла могилу собственных родителей.

– Не слишком ли хилые аргументы, чтобы обвинять Кузьмина в торговле органами? – напрямую спросил Саша.

– Нет! Ты вспомни, как я добивалась, чтобы меня пустили к Лариске! Сашка, она была еще жива, а меня к ней не пускали! Потом мне отдали тело, а через весь живот и всю грудь – кривой шов. Сашка, вот зачем им понадобилось вскрытие? Лариска попала под машину, причина смерти ясна – кому и зачем нужно было вскрытие?!. Какие болезни они там собирались обнаружить?! Сашка, ей было двадцать два года и она танцевала!.. Хочешь, фотографии покажу?..

Саша встал, обошел стол и дважды хлопнул Олю по плечу.

– Извини – фотографии в другой раз. Возьми себя в руки. Как поднять шум вокруг уважаемого человека – так у тебя характера хватило. А сейчас растеклась, как кисель по клеенке. Что же мне тебя – ложечкой в блюдечко собирать? Олька, это все недоказуемо. Нужно было найти хоть одного курьера, который увозил эти самые органы и передавал их в частные клиники. Если Кузьмин поставил торговлю на поток – то у него все и всюду было прихвачено. Не сам же он вез человеческие печенки в трехлитровых банках! Кто-то доставлял емкость в аэропорт, кто-то в аэропорту проносил ее на борт, кто-то ее, черт возьми, встречал! Олька, если я даже сейчас попробую отследить междугородные переговоры Кузьмина, то ничего не найду! Он не такой идиот, чтобы звонить из дома или рабочего кабинета. Теперь же с каждого угла можно набрать Амстердам и Гонолулу! И после того шума, который ты подняла, совершенно бесполезно искать следов в аэропорту. Там все затаились и будут молчать. Разве что в больнице у кого-то проснется совесть... Но скорее проснется злоба – они лишились прекрасной кормушки. Он же всех подкармливал, Оленька!..

– Так, выходит, это я во всем виновата? – Ольга оттолкнула Сашу.

– По-моему, ты рехнулась, – с большим огорчением отметил он.

Женщина, стоявшая сейчас перед следователем Александром Фесенко, действительно сильно смахивала на спятившую истеричку. Почему-то ее модная одежда и остромодный в этом сезоне цвет волос «баклажан» только усиливали впечатление.

Они, одноклассники, были, естественно, ровесниками, но с возрастом Ольги творились чудеса. На телеэкране она иногда гляделась двадцатилетней девочкой, особенно когда на репортажах с благотворительных концертов сама пускалась в пляс. Вблизи ей уже можно было дать двадцать восемь или даже тридцать – в середине дня, когда утренняя припухлость под глазами уже сошла и макияж еще свеж. Ближе к вечеру она делалась еще немного старше, особенно если пользовалась тональным кремом – кожа, попорченная гримом, с крупными порами, которые крем забивал и делал светлыми точками, склонная к воспалениям, выдавала подлинный возраст. К тому же, Ольга на самом деле никогда не была красавицей – длинноватый нос, великоватый рот, тяжеловатый подбородок просто оставались незамеченными, когда она работала, а работала она прекрасно. Сейчас же единственным зрителем был Саша, а после кляуз Кузьмина, после разборок с собственным начальством, после нелепых допросов, которым подверглось все ее окружение, Ольга так и жила на грани истерики.

– Значит, и ты считаешь, что это я спихнула его в подвал?

– Я так не считаю. Принести тебе воды?

– Нет, ты так считаешь! По-твоему, я должна была спокойно похоронить единственную сестру и написать заявление в милицию: так, мол, и так, похоже, зав. отделением некто Кузьмин приторговывает органами, взятыми даже не у мертвых, а у умирающих людей, которых при желании еще можно было спасти. И через два месяца получить ответ – факты не подтвердились! Ведь так? Или даже вовсе ничего не писать и не обременять вас лишними геморроями!..

– Так ты же и не писала никаких заявлений, – напомнил Саша. – Ты просто начала в прессе кампанию против Кузьмина. Ты хоть с одним юристом посоветовалась, а?

– Советовалась! Ты сам знаешь, что тут мог сказать юрист! – Ольга махнула рукой. – Ну какого черта эти бомжи выкопали его из угля? Там же нормальный человек просто не мог оказаться – одни бомжи!..

– Мне другое интересно, – подумав, сказал Саша. – Зачем Кузьмина понесло в эти трущобы. Он утверждает, что выпил совсем немного. Говорит – сам не понял, как оказался в том дворе, и тут к нему подошла ты...

– И врезала в ухо?

– Представь себе, да. Он полетел в подвальное окно именно от удара. Но следов удара предъявить не может – его же всего углем побило. Знаешь, какие там куски? Глыбы!

– Сашенька, ну посмотри... – Ольга протянула к следователю два маленьких костлявых кулачка. – Могу я так врезать в ухо, чтобы здоровый толстый мужчина слетел с копыт?..

– Вообще – не можешь, но в состоянии аффекта – кто тебя разберет...

– Остается предположить, что я наняла киллера, загримировала его под себя и велела заманить Кузьмина туда, где есть подвал с углем. Ведь так?

– Слушай, Оля, а не ухитрилась ли какая-то сволочь тебя подставить? Может, в самом деле есть здоровая тетка с кулаками, которая раскрасилась под тебя и пошла убивать Кузьмина?

– Ага – залезла в трущобы и села ждать, когда он среди ночи явится...

– Ну, другой версии я придумать не могу!

– Говоришь, здоровая тетка?..

– Или двое – женщина, похожая на тебя, и мужчина, который нанес удар сбоку... А твою внешность выбрали, потому что ты подняла шум и оказалась в центре внимания.

– Или у меня завелись враги, или это еще кто-то из пострадавших. Они почему-то не откликнулись на мои выступления, а решили действовать вот так... – Ольга хмыкнула. – Но для чего им меня подставлять?.. Сашка! Они же не могли знать, что Кузьмин останется жив!

– Баба гримировалась на всякий пожарный случай, – предположил Саша.

Они еще минут сорок припоминали всех Ольгиных недоброжелателей, Саша составил список, но оба понимали – затея безнадежная.

Было в этой истории нечто, похожее на большой, три на четыре, лист толстого туманного стекла. Вроде и промелькнула за ним отгадка – да растаяла, а стекло, возникнув прямо перед глазами, молча намекало: и не пытайтесь проломиться, голубчики, только носы зря расквасите...

– Надо бы знаешь что еще сделать? – предложил Саша. – Встретиться всем вместе – мне, тебе, Степанову, Кате Обрезковой, кто там еще в твоём черном списке?..

– Каком еще списке? – она со знанием дела изобразила удивление.

– Оляка, вот только этого – не надо. Есть еще люди, которые подозревают, что их близкие погибли по милости Кузьмина, и ты отыскала этих людей. Только они побоялись светиться, а Степанов с Обрезковой не побоялись. А другие, как всякие нормальные люди, не верили, что ты добьешься справедливости...

– От кого я это слышу?!?

– От меня ты это слышишь. Я же говорю – все совершенно бездоказательно. И с той, и с другой стороны...

* * *

Примерно треть зала еще была пустой, но и до выступления оставалось минут пятнадцать, не меньше, а народ все прибывал. Так что беспокоиться было рано, и все же...

Богушу показали то местечко за кулисами, откуда можно было видеть зал, и он время от времени поглядывал, беспокоясь, и даже суетился немного. В руках у него была плотная трубка из газет, с которой он никак не мог расстаться. На самой читаемой, четвертой полосе, эти газеты поместили материалы о российском Копперфильде. Когда Богуш их читал – ему казалось, речь вовсе не о Герке, какой-то другой парень, утонченно-остроумный и возвышенно-загадочный отвечает на вопросы журналистов.

– Если Ури Геллер остановил Биг-Бен, то не замахнуть ли вам на часы Спасской башни? – спросила какая-то дура.

– Часы Спасской башни слишком много для нас всех значат, чтобы делать из них игрушку, – ответил сын. – А вот ваши наручные уже стоят. И простоят ровно сутки.

– Копперфильд усилием воли гнул вилки...

– Мои учителя занимались со мной не трюками, а экспериментами. От того, что вилка завязалась узлом, никому не холодно и не жарко. А мы работали с растениями. Я работал с пшеницей, которая после этого проросла вчетверо скорее, чем ей полагается, но это еще не предел, – вот как отбрил сынок дуру с вилками! Откуда что берется?..

– А я вас ищу, – сказал, подойдя, Буханцев. – Что это вы в пыль забились? Надо пойти встретить телевидение. Будут снимать две команды. Я уже с ног валяюсь...

– Да, конечно! А... где встретить?.. И куда вести?..

Буханцев достал сотовый телефон.

– Полинка, я сейчас приведу к тебе Богуша, вы вместе встретите телевидение... Да нет, старшего! Это будет солидно.

Богуш меж тем наслаждался атмосферой пленительного закулисного безумия.

Всю жизнь он был одновременно и на виду, и за кадром. На виду – у себя в прокуратуре, за кадром – для всего остального города. О существовании Богуша и о его влиянии узнавали тогда, когда кто-то из близких попадал в серьезные неприятности. Он мог бы наслаждаться властью – если бы это не была власть над людьми покорными, заранее готовыми стелиться ковриком под ножки. А то, что получил сейчас от жизни его сын, – власть над людьми радостными, влюбленными в него, отдающими ему душу добровольно, а не под давлением пяти статей Уголовного кодекса, – это Богушу-старшему всегда было недоступно.

Хотелось ли? Бог вещь... Сейчас ему казалось, что – да, об этом мечтал, сбылось для сына, и разве не счастье для отца, когда сын осуществляет его мечту? Но и себе хотелось немножко. Он и не знал, что так отраднo беседовать с журналистами, которые ждут приятных слов и мыслей, а не точного срока окончания судебного процесса.

Прибежала непонятно чья ассистентка Полинка – девочка с клубничного цвета волосами, повела по коридорам, вывела через задний ход на крыльцо, высунулась и сразу же захлопнула дверь.

– Что там? – спросил Богуш.

– Метель!

Вряд ли метель помешала бы телевизионщикам приехать, рассудил Богуш и оглядел Полинку. Девочка была вроде его прежней, Натальи, остроносенькая, с острыми плечиками, такая вся с виду колючая. Но Наталью он немного откормил и сам удивился ее женственности. Может, и эту нужно просто как следует покормить – так подумал Богуш и даже представил себе ресторан «Фрегат», где мог бы совершенно очаровать девочку. Но «Фрегат» вместе с официантами, принимавшими Богуша, как не принимали бы президента, остался в родном городе, а московские значные места Богуш только начал осваивать. Он водил Надю в «Старую мансарду» и во что-то драконисто-китайское, с большими золотыми иероглифами у входа.

Всякий раз, поднимая бокал и чокаясь с женой, он говорил ей тихонько:

– Спасибо тебе за Герку...

Она усмехалась – как ей казалось, иронической усмешкой. Знал бы ты, говорила эта усмешка, чего мне это стоило, в одиночку-то, пока наш милый папочка баловал молодую жену...

Но Богуш не отвечал на немой упрек. Он просто знал, что Герка все равно не пропал бы – умный, жизнерадостный, уживчивый Герка, общий любимец. Он вспоминал, кого воспитали сослуживцы, и видел – только Геркой и можно было гордиться. Тем более – парень унаследовал отцовскую статность, отцовское породистое лицо, пока, правда, вся порода ушла в правильный, резких очертаний нос, но некоторую аристократическую тяжесть в чертах парень наживет со временем.

Сейчас Герка готовился к выступлению, которое должно было принести ему славу и деньги. В зале сидели большие люди – Богуш, человек в своем городе довольно значительный,

смотрел на этих московских господ снизу вверх. Если «русский Копперфильд» проявит себя достойно – о-о, что начнется!..

Наконец въехали одна за другой машины телевизионщиков. Метель сбила им все графики, они опаздывали, началась суматоха, и Богуш опомнился только в закутке, который называли директорской ложей. Закуток на десять стульев был возле самой сцены, так что сына он видел в профиль, зато хорошо просматривалось закулисье, та его часть, что называется «карман».

Вел вечер приглашенный за немалые деньги почтенный шоумен, любимец прекрасного пола, сейчас подозрительно серьезный. Очевидно, любимец боялся перевернуть заученные в попытках научные слова. Еще вчера он вместо «реципиент» упорно произносит «репициент», ужасался, зажимал себе рот и художественно матерился.

Шоумен объяснил публике, с каким феноменом она имеет дело, и представил комиссию, занявшую места на сцене, – каких-то малоизвестных профессоров и прессу. Потом вышел Герка – в новеньком костюме, в лаковых туфлях, и Богуш одобрительно улыбнулся – сын держался прекрасно. Надя же, сидевшая рядом и боявшаяся покачнуть головой (ее светлые волосы безумный парикмахер поднял дыбом, залил лаком, посыпал блестками, и острая плоская прядь страшно нависала надо лбом) ощутила ревность. Муж вернулся не к ней, а к сыну, ради сына он любил и ее немолодое тело, худошавое, но по сравнению с упругим Натальиным – уже никакое...

Герка сразу перешел к первому в программе эксперименту – угадыванию мыслей на расстоянии. Шоумен, видя, что парень торопится, вмешался.

– Вы все, наверно, знаете, что мысли угадывают исключительно в цирке. Сейчас я напомню вам, как это делается ТАМ, – голосом шоумен изобразил презрение к низкому и фальшивому жанру. – Сидит на манеже дама с завязанными глазами, а в зрительном зале прячут какой-нибудь платочек. Ведущий говорит даме – думайте, думайте, напрягитесь, еще немного, не расслабляйтесь! И дама сообщает – платочек в пятом ряду, на седьмом месте, у лысого мужчины. Зал в восторге. А если бы знали правду – то все дружно пошли бы возвращать билеты. Как вы думаете – почему?

Публика весело выразила недоумение.

– А вот почему! – торжествовал шоумен. – Одно «думайте» означает женщину, два «думайте» – мужчину, «напрягитесь» – число «пять», и так далее! Этот несложный шифр любой из вас выучит за один вечер! А сейчас вы увидите настоящий научный эксперимент! Господин Богуш...

Богуш чуть не подскочил, Надя вцепилась ему в руку, и тогда лишь он понял, что речь идет о сыне. Он впервые слышал, чтобы Герку называли так официально, и это его потрясло – похоже, сын понемногу начинал грабить родного отца, вот уже импозантность перенял, теперь – обращение...

Герка же слегка поклонился. Он уже усвоил правила поведения на сцене и слегка улыбался, показывая свою готовность к загадочным действиям. И до того был хорош собой – сердце радовалось! Надя не отрывала от него глаз и сжимала кулачки – для удачи.

– ... не услышит от наших милых помощниц ни одного слова. Никто ему не будет завязывать глаза – повязка, сами понимаете, дело ненадежное. Просто он сейчас сядет за стол комиссии и опустится очень плотный занавес. Пресса может убедиться – этот занавес мало чем уступает танковой броне!

– Что он дурака валяет? – прошептал Богуш.

– Работа у него такая, – тихонько объяснил сидевший сзади Буханцев, очень солидный в дорогом сером костюме. Его тоже сводили к парикмахеру, который безжалостно обнажил лысину, укоротил легкие волосы до разумного предела, поправил рыжеватые усы, и сделал Юрия Денисовича похожим на какого-то известного всем, кроме Богуша, киноактера. Где-

то еще болтался врач-гипнолог Золотов, с которого, собственно, и началась звездная Геркина карьера. Золотов стал чуть ли не членом семьи Богушей и, понятное дело, увязался за ними в Москву.

Шоумен роздал девушкам-помощницам яркие платки – бирюзовый, малиновый и пронзительно-желтый. Девушки спустились в зал и застыли, ожидая, пока опустится бронетанковый занавес.

Буханцев встал.

– Извините, – шепнул. – Я волнуюсь куда больше Геры. Я пойду... Потом вы мне все расскажете...

И вышел из директорской ложи.

– Далеко не уходите, – попросил вслед Богуш.

Буханцев действительно ушел недалеко. Он пробрался за кулисы и вышел на то самое заднее крыльцо, где Богуш встречал телевизионщиков. Дверь распахнулась, метель ворвалась в маленький холл, но не заругалась вахтерша, не подали голос курильщики, который облюбовали тут тихий уголок с креслами и журнальным столиком. Все ушли смотреть юное дарование.

– Ты зачем сюда забрался? Отсыреешь! – невысокий, очень ладный в черном костюме, Золотов образовался словно из полумрака за вахтерским аквариумом.

Буханцев помотал головой. Тогда Золотов вышел и сам закрыл тяжелую дверь.

– Вытри рожу, – посоветовал он. – Вся мокрая.

Буханцев стал искать платок, но не нашел, и Золотов дал ему свой.

– А ты что не в зале? – спросил Буханцев.

– Зачем? Я и так знаю, что там сейчас без тебя будет.

Буханцев глубоко вздохнул – и вдруг устремился к коридору, ведущему к сцене и потом, в обход нее, к гримуборным.

– Стой! – Золотов не просто приказал, это был ПРИКАЗ, послушаться которого невозможно. – Не вздумай вмешиваться.

– Так нельзя... – очень тихо произнес Буханцев.

– А как можно?

Ответа не было.

– Конечно, ты можешь сейчас пойти туда и все сделать в лучшем виде. Как делал все это время. Как пшеничку вместо него прорацивал! Подумаешь, платки! Тем более – ты-то увидишь, куда их прячут. Но рано или поздно тебе это просто надоест! И ты откажешься от этой возни от элементарной усталости и скуки – а то, что выйдет, тебя уже не обрадует. Подожди полчаса! Подожди, слышишь?! Ты увидишь начало конца!

– Парня жалко!..

– Об этом мы уже говорили! – видя, что Буханцев теряет самообладание, Золотов заговорил чуть мягче. – Ну, хороший, добрый парень, не чета батьке. Потом мы поможем парню! Ты сам знаешь – другого способа просто не было и нет. Самому его жалко... Потом поставим точку – и вытащим парня! Ты еще на его свадьбе каблучки собьешь пляшучи! Ты еще его детей крестить будешь!

– Он хороший парень, но он еще ребенок... – безнадежно произнес Буханцев.

– Мы просто ломаем его – и помогать будет некому... А у него же способности!..

– Вот именно, что способности. Он раз в неделю может считать кусочек будущего – и только! Он принимает информацию, только если это твой мощный посыл! А если с ним серьезно заниматься – он сможет очень успешно работать в гадальном салоне, не более. Ты что – забыл?..

– Я должен ему помочь.

С тем Буханцев развернулся и направился к коридору.

– Иди, ты еще успеешь, – неожиданно ласково напутствовал Золотов. – Девочки только-только разнесли по рядам эти три платка. Но, Юрий Денисович, только сейчас ты можешь прекратить зло! Кстати, только сейчас ты можешь сделать это наиболее гуманно.

– Гуманно?!

– Ну да, мы сто раз об этом говорили. Парень оклемается, даю тебе слово! Но папочка прежде, чем это произойдет, потеряет ВСЕ. И прежде всего – возможность творить зло. Справедливость совершится, Юрий Денисович! Мы чуть ли не год сражались за этот день! Ты прости, что я так возвышенно – но разве я должен напоминать тебе?..

– Нет, ты мне ничего не должен... Напротив – это я тебе должен...

Буханцев уперся лбом в косяк. При его росте и массивности было бы неудивительно, если бы он прямо так, лбом, этот косяк сейчас выдавил с куском стены вместе.

– Перестань. Просто: кому многое дано – с того много и спросится. Тебе много дано, вот и настало время, когда сама жизнь спрашивает... Я только объяснил тебе это. Кто, кроме тебя, может остановить этот поток зла? Ведь только ты! А насчет парня не расстраивайся – и он тут не без греха. Откуда взялись деньги, на которые он покупает себе книги, технику, ноутбук на чьи деньги он купил? А? Не знаешь? А я знаю.

– На папины.

– Жаль – некому было номера банкнот переписать! Эти деньги вот какое путешествие совершили: сперва они лежали в кармане одного мелкого наркодилера, из тех, что только начинают свой творческий путь в искусстве и промышляют на школьных дискотеках. Потом деньги оказались у его хозяина вместе с другими, того же милого происхождения. Потом их положили в беленький конверт. Когда городская дума собралась закрывать ночной клуб, от которого на версту разило травкой, только потому, что несколько школьников из тех, что втихаря туда проникают, всерьез подсели на иголочку, когда зашла даже речь о процессе над директором клуба, как-то так получилось, что эти несчастные дети всплыли в связи с каким-то мелким торговцем дурью, которого и осудили по полной программе. Формально Богуш, как ты понимаешь, ни при чем. Его в это время, может быть, даже в городе не случилось. Но ты сам не знаешь, каково его влияние в прокуратуре. То, что дело передали судье Игрек, которому неохота портить себе пищеварение, а не судье Икс, имеющему против наркобизнеса свой персональный зуб...

Золотов показал пальцем что-то вроде торчащего из-под верхней губы тигриного клыка.

– ... и то, что судья Игрек не стал докапываться до всяких мелких деталей, и то, что адвокат этого козла довольно быстро поднял лапки кверху – оно, как ты полагаешь, само собой стряслось? Вот тебе и ноутбук для любимого сына...

Золотов прислушался.

– Началось, – спокойно сказал он. – Парень явно не угадал ни одного платка!

Буханцев кинулся на выручку, но Золотов успел оказаться рядом и проскользнуть в коридор.

– Стоять! – выкрикнул он, и здоровенный мужчина невольно окаменел от приказа. – Нечего тебе там делать! Все идет по плану! Ты думал, справедливость – это как симфония Моцарта? Торжество мировой гармонии? Когда хирург вырезает раковую опухоль, он режет по живому! Нельзя вырезать опухоль, не повредив кожи и кровеносных сосудов!

– Так тоже нельзя! – Буханцев сделал шаг с таким видом, будто готов своим телом снести и сплющить все, что подвернется по пути. – Это же предательство!

Но Золотов знал, что есть и последнее средство.

– А Владика – забыл?!

Буханцев, замер, постоял, тяжело дыша ртом, повернулся и пошел прочь. В распахнувшуюся дверь влетела метель, снег лег на пол и тут же растаял. Дверь захлопнулась.

– Вот же кретин... – проворчал Золотов. – Продует его – и будет он корчить из себя великомученика. Впрочем... если ему это зачем-то нужно...

Он посмотрел на часы. Скорее всего, опытный шоумен предложит повторить попытку с платками. Когда она сорвется, засуетятся профессора неведомых наук, завербованные Буханцевым. Кто-то захочет сразу перейти к останавливанию часов и прочему телекинезу. Суэта затянется минут на сорок, после чего телевидение выразит свой протест, а публика потребует денег за билеты. Так выходит, оно и неплохо – что Буханцев сбежал. Богуш-старший кинется разбираться со специалистом из номерного института – тут-то и выяснится, что никакого такого института в природе не существует. Будь здесь Буханцев, который при всех своих способностях – простофиля редкостный, он, чего доброго, принялся бы всенародно объяснять, почему провалилось выступление Богуша-младшего.

А знать это Богушу-старшему – преждевременно.

Так что справедливость движется вперед хоть и неторопливо, но – как по маслу...

* * *

Пять человек поочередно преодолели сугроб в том месте, где окрестные жители уже долбили что-то вроде ущелья. Мужчины помогли женщинам не поскользнуться – и вскоре пятеро входили в длинную подворотню.

Это был заброшенный квартал, откуда в морозы даже бомжи убирались прочь. Часть квартала занимала мертвая фабрика непонятно чего. Она была построена еще в начале прошлого века, старожилы утверждали, что там собирали первые в городе мясорубки, одно время на всех четырех этажах шили солдатские шинели, потом делали какие-то комплектующие для никому не известных изделий, потом опять шили – кооператив собирался завалить все окрестности фланелевыми халатами, потом еще кто-то чем-то загадочным пробовал заниматься... А дома в глубине квартала были еще старше фабрики и не знали капитального ремонта по меньшей мере век. Городские власти все собирались что-то предпринять, но денег никогда не хватало. Наконец в одном доме просто-напросто обвалился потолок. Тогда сразу нашлось, куда отселить жильцов.

– Может, там у него жил кто-то знакомый? – спросил Саша, показывая на пустые окна, некоторые из них еще сохранили стекла.

– И он решил нанести визит во втором часу ночи? – с недоверием продолжила Ольга.

– Но если твоя версия работает, то он вряд ли нанимал курьерами людей, которые были в больнице на виду, а скорее – кого-нибудь совсем из другой сферы, – заметил Саша. – Допустим, ему понадобился еще курьер. Он знал, что некто Икс сидит без работы и готов за разумные деньги слетать или съездить хоть во Владивосток. И он, расставшись с Леночкой, пошел по этому делу...

– Как будто не мог найти другого времени, – вставила вторая женщина, Катя Обрезкова. – Вот только во втором часу ночи...

– А откуда мы, собственно, знаем, в котором часу это произошло? – задал разумный вопрос Саша. – Сергеев, ты копию протокола допроса взял?

– Все взял, Александр Ильич.

Молодой Сашин помощник вынул из портфеля прозрачные папки-карманы. Фесенко достал нужную.

– Вот оно. «Мы приехали из Бурцева на частнике. На углу Московского проспекта и улицы Грушко Кузьмин заплатил частнику, чтобы довез меня до дома, и вышел из машины. Он сказал, что хочет пройти четыре квартала пешком и подышать воздухом, потому что в машине надышался бензина». Время она, конечно, не указала, – Саша перевернул карман. – А вот тут кое-что имеется – «Я вошла очень тихо, чтобы не разбудить мать, но она еще смотрела телевизор. Это были выступления известных певцов и групп. Потом, когда передача окончилась, мы легли спать». Ольга, это она ваш телемарафон смотрела, не иначе.

– Вот тебе еще одно алиби, – буркнула Ольга. – Вот тебе еще две женщины, которые видели, как я во время покушения на эту сволочь вела телемарафон и все время сидела в кадре!

– Твой телемарафон окончился в два часа ночи, и потом вы еще часа два пили водку с этими самыми группами. Но мне с того не легче! Я все равно не могу понять, когда машина доехала до перекрестка Московского и Грушко, и эта сволочь пошла дышать свежим воздухом. И я не могу понять, почему он перешел проспект и почесал вбок по Трифононской! Домой ему нужно было направо, а его понесло налево. Сергеев! Это тут было?

– Тут, Александр Ильич.

Пятеро стояли посреди проходного двора. Когда ноябрьской ночью Кузьмин сверзился в открытое подвальное окно, снег еще толком не выпал, морозы не наступили – иначе там бы, под горой угля, он и замерз до смерти. Сейчас двор был весь в сугробах, очевидно, местные дворники, не веря в городскую снегоочистительную технику, тащили его сюда в жестяных ваннах, приколоченных к санкам. Бомжи – и те давно здесь не показывались, но протоптанные ими тропинки легко угадывались под пушистым, только недавно выпавшим снегом.

– Подвал – вон где, а ходят здесь – вон как. Когда ты осматривал место происшествия, тебе это не показалось странным?

Сергеев пожал плечами.

– До окна он мог дойти с каким-то намерением, а мог пятиться, отступая. Где его сволочные показания?

– Вот!

Саша просмотрел нужные строчки.

– Как попал во двор – не знает, как оказался у подвального окна – не помнит, но в ухо ему заехала точно Черноурцкая! Появилась из ниоткуда и заехала в ухо. Потом он утверждал, что его загипнотизировали.

– Если загипнотизировали – это случилось на углу Московского и Грушко, – вдруг сказал пятый участник экспедиции, Степанов. – Он именно там зачем-то перешел проспект и двинулся к трущобам.

– Точно! – обрадовался Саша. – Вот первое вранье. Ни Лена Давыденко, ни этот частник не заметили, чтобы к Кузьмину кто-то подходил, а то сказали бы. А ведь машина его обогнала как раз у перекрестка.

– Может быть, он зигзагами шел? – предположила Катя Обрезкова. – От Грушко дошел до улицы Кудрявцева, и там перешел проспект?

– Тоже мысль... – Фесенко нахмурился. – Сергеев, вы тут все выходы изучили?

– К этому месту, Александр Ильич, можно попасть тройко: так, как мы шли, то есть, если от перекрестка Московского и Грушко – это самый короткий путь; еще через Савин переулоч, но там нужно еще знать, в какую дверь войти; и есть два входа со стороны парка, но они ведут в один двор, вон тот, так что я их за один вариант и считаю. Все остальные двери и ворота намертво заколочены еще... еще... ну, с первой мировой, наверно!

– Что бы он мог искать ноябрьской ночью в парке? Каких приключений на свою задницу?!

На этот вопрос следователю Фесенко никто не ответил.

– Александр Ильич, давайте продолжим, – тихо попросил Степанов. – Я лично могу хоть на Библии присягнуть, что никогда здесь не был, а ту ночь я провел один, читал, свидетелей, сами знаете, нет.

– Но он о вас ни слова не сказал, вы вне подозрений.

– Я тоже тут впервые, – добавила Катя. – Только знаете что? Папа мне про эту трущобу рассказывал! Тут наша бабушка работала, когда он был маленький. Со стороны парка я эту фабрику видела, а во дворе никогда не бывала.

– Хорошая зацепка. Оля?

– Впервые в жизни! – выпалила тележурналистка. – Но, Саша, знаешь – дежа вю, мне все больше кажется, что я тут уже когда-то побывала...

– Когда?

– Да говорю же тебе – никогда, но эта местность мне знакома...

– «Эта местность мне знакома, как окраина Китая», – процитировал Саша, и Катя посмотрела на него с уважением.

– Вот когда вы сказали про это, и я тоже понял – то ли видел во сне, то ли по телевизору, но есть какое-то чувство узнавания, – признался Степанов.

– У меня нет под рукой Библии и я не могу содрать с вас клятву, но вы можете просто дать честное слово, что забрели сюда впервые? – спросил Саша.

– Честное слово – а какого рожна я должен был тут искать? Вот Катя – она бы, пожалуй, могла бродить по задворкам, она экскурсовод все-таки...

– Я иностранные группы вожу! Вы что, думаете, я стану им эту срамоту показывать? – обиделась девушка.

– Катя, а вы?

– Что – я?

– Нет этого, как сказал Сергей Михайлович, чувства узнавания?

Катя задумалась.

– Я боюсь спутать. Мне же папа рассказывал про эти дворы, как он тут играл, потому что сразу после школы приходил сюда к бабушке обедать в фабричной столовке... Я просто боюсь соврать, понимаете? Что-то я знаю, буквально вижу собственными глазами, но откуда знаю – уже не знаю!

– Ясно... Сергеев?

– Но я же здесь уже был, Александр Ильич!

– Точно...

Следователь Фесенко обвел взглядом свою странную команду: юный белобрысый Сергеев, с правильной сытой физиономией мальчика из тренажерного зала и правильным ожиданием в глазах, какое приличествует подчиненному; Ольга в короткой рыжей шубе, спереди на полметра короче, чем сзади, с взъерошенными баклажанными волосами; Катя в вязаной шапочке и старой, еще материнской дубленке, которую носит и будет носить из принципа, как напоминание себе самой, что разборка с Кузьминым не окончена; Сергей Михайлович Степанов – высокий, с унылыми усами и окружавшей его аурой абсолютной никому-не-нужности, которую он, возможно, сам же заботливо вокруг себя и возвращивал после смерти молодой жены...

Дело о падении Кузьмина в подвал от вылазки на плэнер не прояснилось. Но чем-то таким в этом деле повеяло странноватым...

– Как ты полагаешь, Оля, что там, за дверью? – вдруг спросил Саша, показывая рукой. Это была дверь фабричного корпуса, через нее, минуя многие загогулины, можно было попасть к парку.

Тележурналистка задумалась.

– Коридор, наверно. Знаешь, совсем запущенный и темный коридор с разломанным полом.

– Катя?

– Ну, я не знаю... Двери какие-нибудь железные, как в цехах, скамейки, потом должна быть железная лестница на второй этаж...

– Почему – железная?

– Фабрика же!

– Сергей Михайлович?

– Экран соцсоревнования. Старый, с портретом Брежнева и каким-нибудь коммунистическим девизом. Ну, что еще может быть в фабричном коридоре на первом этаже?

– Вы работали на производстве?

– Да, был комсоргом цеха. Освобожденным.

– Сергеев, сходи и посмотри, что там на самом деле.

Подчиненный, прокладывая новую тропу по глубокому снегу, отправился выполнять приказание. Саша видел, как за неплотно прикрытой дверью стало светло – вспыхнул фонарик.

Вернулся Сергеев мгновенно.

– Александр Ильич! Все есть – полы разломаны, там подальше – железная лестница, вдоль стены – зеленые скамейки, над ними – доска с какой-то решеткой, в одних ячейках еще остались фотографии!

– Доска почета, – определил Степанов. – Извините – малость промахнулся.

Катя и Ольга переглянулись.

– Может, мне папа рассказывал? – сама себе не веря, спросила Катя. – Оля, ты что?

– Я? – Ольга словно находилась сейчас одновременно в двух мирах – посреди скучного двора, окруженного темно-серыми рябоватыми стенами с черными окнами, и где-то еще.

– Оля, тебе плохо? – забеспокоился и Саша.

– Нет, нет... Но я вспомнила...

– Что вспомнила?

– Тогда, на марафоне, я же его с двух часов дня вела, и после полуночи у меня пошли отключки. Группа работает, а я отключаюсь, куда-то мыслями залетаю. Потом аплодисменты, я опять включаюсь, работаю свой кусочек, потом опять выступление. Ты бы двенадцать часов подряд в кадре просидел! Я уже совсем никакая была!..

– Ну так что же?

– Ну...

– Оленька, ты не волнуйся, – Катя взяла старшую подругу под руку. – Мало ли что помешалось! Двенадцать часов – не шутка! По телеку смотреть – и то устанешь!

– Ничего, Оля, ничего, – Сергей Михайлович обнял ее за плечи. – Все это утрясется! И в конце концов эта сволочь получила по заслугам...

– Я голос услышала, – призналась Ольга. – Думала, ну все, кошмар, засыпаю! Схватила, дернулась – я опять на сцене. Но голос был и даже лицо – наверно, я действительно вдруг очень захотела спать.

– Что за голос и что за лицо?

– Мужчина в чем-то сером, распахнутом на груди, – и глаза совсем пустые, смотрит куда-то сквозь меня – и мне же в затылок, не знаю как, изнутри, наверно...

– Это ты мне сон, что ли, рассказываешь? – удивился Саша.

– Был мужчина! – вдруг вмешалась Катя. – Я думала – зритель, там же зрителей тоже показывали. Я еще удивилась – концерт солидный, люди пришли нарядные, а этот в какой-то хламиде, в дерюге, не понять в чем!

– Ты его на экране видела? – повернулась к ней Ольга.

– Всего пару секунд – и он мне кивнул, и чуть улыбнулся. И тут же исчез. Быстрая улыбка, вот такая...

Катя, как могла, передразнила видение.

– Примерно моих лет, с сединой, и усы как у меня, – добавил Степанов. – Это был кто-то из зрителей. Я как раз перевернул страницу и посмотрел на экран. Не могу, извините, быть один в тишине...

– Но если он был на ваших экранах – то я его видеть вообще не могла! – воскликнула Ольга. – А я видела его лицо, он действительно чуть улыбался, потом губы шевельнулись...

– Что он сказал? Оленька, ты вспомни, что он сказал!.. – потребовала Катя.

– Это были два коротких слова – и он с каждым словом все больше вздергивал подбородок, вот так, – Ольга показала.

– Ясно, – прервал эту мистику Саша. – Оля, мне понадобятся запись этого вашего марафона и то, что не вошло в кадр, если сохранилось. Поищем вашего мужчину в дерюге. Может быть, действительно против Кузьмина выступил какой-то фантастически сильный гипнотизер. Я читал – есть такие, которые работают на очень большом расстоянии.

– Ты веришь в эти публикации? – удивленно спросила Ольга.

– В черта, дьявола и бабу-ягу поверю, лишь бы поскорее закончить это дело раз и навсегда. Второго такого дурацкого дела у меня еще не было, и, я надеюсь, никогда не будет! Пошли отсюда!

– Ну что же... – пробормотал Степанов. – Если эта сволочь Кузьмин обвиняет Олю только потому, что ему ее лицо померещилось, то анонимный гипнотизер в серой хламиде – самый подходящий для сволочи аргумент.

* * *

– Что будем делать? – потерянно спросил Богуш.

– Ты эту кашу заварил – ты и расхлебывай! – крикнула Надя.

– Но мы не можем навсегда оставаться в Москве...

– Домой возвращаться мы тоже не можем. Он на ходу выпрыгнет из поезда! Гриша, куда угодно – только не домой! Мы его не довезем, Гриша!..

– Да не кричи ты, он же спит!

Надя зажала рот пальцами и мелко закивала.

– Гришенька, а если в Протасов?..

– То есть как – в Протасов? Жить в Протасове, что ли?

– Нет, не жить – перекантоваться, пока он не опомнится. Давай я вместе с ним поеду в Протасов, там у тети Зои квартира двухкомнатная, у нее поживем, ты будешь приезжать, а? Нас там никто не знает, он с молодежью познакомится, отойдет понемногу, а?..

– Не понимаю... – Богуш взялся за голову. – Не по-ни-ма-ю!.. Найду Буханцева – своими руками убью! Золотова – своими руками!..

– Гриша, ты что?!.

– Задурили парню голову!

– Но, Гриша, он же действительно останавливал часы!

– Это гипноз, шарлатанство! Они сделали так, что нам всем показалось! На что они рассчитывали, когда приглашали всех этих профессоров?..

– Я ничего не знаю, Гриша... Скажи спасибо Господу, что мы вообще нашли Герку...

– Да-а...

Спасибо следовало сказать еще и телевизионщикам – когда Герка сбежал из концертного зала, где потерпел такой невероятный крах, одна бригада в погоне за сенсационным кадром кинулась по вокзалам. Неизвестно, что парень затеял, в какие дальние страны собрался – но его очень поздно вечером поймали на Павелецком. Он был крепко пьян, а деньги, которые имел при себе, естественно, пропали.

Возвращаться к родителям он отказался и несколько дней прожил у шофера телевизионной машины. Тот был мужик простой, элегантный костюм и галстук Герки сбили его с толку, придав парню возраста, и шофер решил – от водки вреда не будет, а только большая польза. Богуш узнал, что сын спяну вспоминает счастливое детство, махнул рукой и выдал денег на спиртное. Этот способ лечения он понимал.

Потом Герку перевезли в гостиничный номер и уложили спать.

Теперь следовало решить – как быть с ним дальше.

Богуш и сам не хотел возвращаться в родной город, где собственноручно поднял вокруг сына столько шума. Но ему больше деваться было некуда. Что касается Герки... Вспомнив себя в Геркины годы, Богуш решил – хоть на Камчатку подался бы, только не туда, где ждут с победой.

– Протасов, говоришь? Школа-то там есть?

Вопрос был резонный – занимаясь непонятно чем с Буханцевым и Золотовым, Герка окончательно запустил учебу. Алгебра и физика российскому Копперфильду были ни к чему. А теперь следовало поскорее вернуться к нормальной жизни.

– Как же без школы?

– Думаешь, ему лучше закончить учебный год там?

– Конечно, Гриша! Ему нужно поступить в класс, где его никто не знает. Ну, пусть бы хоть на троечки!.. А я буду на хозяйстве...

– Протасов, значит...

И тут дверь спальни отворилась. На пороге стоял Герка в трусах, накинув на плечи одеяло, и лицо у него было помятое. Он плохо соображал, куда это его вынесло сонным потоком, на какой берег бытия выплеснуло...

– А-а, родители... Сушит... Дайте чего-нибудь, а?..

– Герочка, сока?! – Надя кинулась к холодильнику, выхватила початый пакет, рыжеватая струя выскочила мимо казенного стакана.

Герка сел в кресло и плотнее завернулся в одеяло.

– Не понимаю, – неожиданно трезвым голосом произнес он. – Вот не понимаю – за что? Кому и что я сделал плохого? За что сперва дали, потом отняли?

– Кто дал, Герочка?

– Не знаю. Кто-то дал. Я же мог! А потом отнял. И вот я уже ничего не могу. Так вот – за что? За что меня наказали? Батька, ты юрист. За что людей так наказывают?

– Я сам ни хрена не понимаю, – честно ответил Богуш. – Одно знаю – ты действительно не сделал ничего плохого. Наверно, есть люди, которым доставляет удовольствие издеваться над другими людьми. И они выбрали тебя, нас... Больше мне ничего на ум не приходит.

– Батька, ты сколько лет в прокуратуре работаешь?

– Хороший вопрос! – Богуш-старший даже улыбнулся. – Если в целом – то уже почти четверть века, а что?

– Батька, что такое справедливость?

– Еще один хороший вопрос...

– Кто-то поступил со мной несправедливо. Как сделать, чтобы он был наказан? – жестко спросил Богуш-младший.

– Ну... – Богуш-старший оценил ледяную злость сына и его желание поквитаться с мошенниками. Вот только логика их мошенничества оставалась пока непонятна – Богуш не видел ни малейшей выгоды, которую могло бы принести Буханцеву и Золотову это сложно сконструированное надувательство.

– Мы знаем адреса, телефоны! Мы всех поставим на ноги! – вдруг заговорила Надя. – Мы на них в суд подадим! Есть же какая-то статья – а, Гриша?

– Есть, конечно. О чести и достоинстве... – Богуш поднял глаза к потолку, вспоминая порядковый номер статьи, ее довольно редко пускали в ход.

– Их будут судить. Вот если бы они украли миллион – с них бы взыскали миллион, так? А как оценят то, что они сделали со мной? А, батька? Есть же какой-то способ оценить? Как вообще оценивают честь и достоинство? Минимальными месячными окладами? Есть же какая-то цифра, процент, что ли? А, батька?

Богушу очень не понравился голос сына.

– Я бы их за такое кастрировал, – честно сказал он. – Вот это было бы справедливо. А вообще очень трудная задача – соизмерить преступление с наказанием.

– Мне еще повезло, – вдруг заявил Герка. – У меня батька в прокуратуре работает и весь город, всю область на уши поставит. А если бы кого-то другого так подставили? Низачем – просто посмеяться над дураком? Батька, я все равно не понимаю – кто меня подставил?.. Эти двое? Но как?.. Я же все мог! ВСЕ мог! ВСЕ!!!

– Герочка!.. – мать кинулась к сыну, но Богуш удержал жену.

– Я разберусь, даю тебе слово. Они у меня кровавыми слезами умоются. Сегодня вечером мы выезжаем...

– Нет!

– Что – нет?

– Я никуда не поеду.

Родители с трудом толковали сыну свой замысел.

– Значит, я еду в Протасов и поступаю в школу? – уточнил сын. – И учу физику? Нет, это все ерунда и хренотень. Батька, ты вот что скажи – значит, к каждому, у кого есть способности, можно прийти, похвалить, вознести до небес и сбросить в грязь?

Богуш и Надя переглянулись. Если парень допился – это бы еще было наименьшим злом. Смахивало на основательное психическое расстройство. Они еще не видели своего сына таким непоколебимо настойчивым, слушающим только собственные слова.

– Нет, батька, я все равно не понял – значит, каждый, абсолютно каждый беззащитен перед сволочью?

Родители, потрясенные, молчали.

– И опять не понял – что им будет за меня? Их что – повезут в Москву, раструбят о них на всю Москву, а потом приложат фейсом об тейбл? Ты что-то не то, батька, придумываешь. Батька! А если я их в отместку вот так опущу – что мне будет?

– Ничего не будет, – осторожно ответил Богуш.

– Не-ет!.. – Герка рассмеялся таким отвратительным смехом, что у Нади все внутри похолодело. – Одним можно, а другим – низ-з-з-зя-а-а!..

– Он бредит, – сказал Богуш собравшейся зареветь жене. – Я не знаю, сколько он выпил, но это алкогольный бред. Посиди с ним, я выйду и вызову «скорую».

– Ты с ума сошел! Мало нам позора на всю гостиницу?!

В конце концов Богуш решил, что хуже не будет, и добавил сыну еще коньяка на старые дрожжи. Герка поговорил немного о справедливости и заснул.

Пока он спал, были заказаны билеты на оба поезда, собраны вещи, вызван шофер с теле-студии, который в этой передрыге стал семье Богушей чуть ли не родным. Шофер помог вывести Герку из гостиницы и погрузить в поезд.

Оставшись на перроне, Богуш ощутил некоторое облегчение. Сын и жена ехали в Протасов – теперь его обязанностью было снабжать их деньгами и выслушивать телефонные отчеты Нади, не более. Он мог со всей яростью заняться охотой на Буханцева и Золотова.

Одно то, что они во время позорного выступления Герки исчезли и больше не появлялись, говорило об их вине больше, чем десять томов свидетельских показаний.

Однако следов не обнаружилось. Человек по фамилии Золотов даже не был прописан в городе. Квартира, где так основательно задурили мозги Герке, числилась за Евдокией Буханцевой, но сама Евдокия там не жила, а отыскалась в поселке Буряково, в тридцати километрах от города, и была девяноста трех лет от роду. Жила она там у внучки, которая подтвердила – да, есть на свете бабкин внук, но не Юрий, а Валерий, и не Денисович, а Николаевич, и не в Москве, а в Брянске. В конце концов Богуш понял, что на самом деле сотрудник несуществующего номерного института носит совсем другую фамилию.

Розыски заняли немногим более недели, а потом позвонила Надя и сказала, что Герка пропал. Сидел, сидел дома, возился с ноутбуком, играл в игрушки, а потом исчез, оставив ноутбук включенным – что особенно испугало Надю. Ей казалось, что неведомая сила, затеявшая всю эту историю с парапсихологическими способностями, добралась до Герки и в Протасове.

Богуш опять взял десять дней за свой счет и помчался в Протасов.

Если московская эпопея была довольно значительным щелчком по носу, то визит в протасовскую ментовку – целой оплеухой. Хотя вроде бы и несопоставимо: грандиозный скандал с участием телевидения и унылое переползание из кабинета в кабинет, от одних погон к другим погонам.

Но насчет Москвы – это было темное дело, неизвестного происхождения, и Богуш склонен был приравнять его к стихийному бедствию. Точно так же, идя по зимней улице, он мог схлопотать на макушку пудовую сосульку. И кого винить? Судьбу-злодейку!

А насчет ментовки – тут он все видел насквозь. Все влияние Богуша в родном городе, все его документы и связи тут были совершенно недействительны. В Протасове имелись свои выдающиеся люди, державшие в руках нитки и ниточки от разных фигур, и Богуш, даже в дорогом костюме, великолепном пальто и норковой шапке, тут был – никто. Ему, конечно, пообещали искать сына, но при слове «благодарность» наступило некое отчуждение. Напрасно он поминал всуе, что работает в прокуратуре, – ментовка насторожилась и все, как один, решили не искушать судьбу.

Естественно, ни через десять дней, ни через две недели сын не нашелся. Богуш добился, чтобы отпуск продлили, и продолжал вместе с Надей обходить протасовские больницы и морги. город был не маленький, мест, где может лежать неопознанный труп, хватало.

Герка нашелся неожиданно. И не то чтобы сам – но как бы по собственной инициативе. Позвонила заторможенная девчонка и предложила родителям привезти сыну денег. Тут выяснилось, что у Герки – ломка, а бесплатно ему ни колес, ни шприца с содержимым никто не дает.

Выпытав адрес, Богуш отправился в ментовку и потребовал патрульную машину. Ему пошли навстречу, он возглавил налет на хорошо известную здешним ментам квартиру и вытащил оттуда Герку буквально за шиворот. Менты же повязали всякую мелкоту и отвезли в участок, откуда, как Богуш догадывался, довольно быстро выпустили. Менты тоже хотели каждый день обедать.

Герка мучился двое суток, Надя не отходила от него. Богуш знал, что есть клиники, где врачи-наркологи помогают в таких случаях, прочесал все объявления в газетах и нашел подходящего специалиста. Он взял такси и поехал за врачом, но когда привез – оказалось, что Надя Герку не устерегла.

Сын оказался прекрасным артистом. Он стонал и кричал, плакал и ругался, а между тем успел высмотреть, куда Надя прячет выданные мужем на хозяйство деньги.

В довершение всего состоялся долгожданный скандал с Надиной тетей, которая наконец догадалась, какое у племянницы горе, и продемонстрировала праведный гнев. Ей, учительнице с сорокалетним стажем, было неприлично устраивать дома наркоманский притон.

Почему-то старухе казалось, что соседи до сих пор равняются на нее, как на образец хорошего воспитания и идеального поведения. Возможно, эта мысль давала ей силы жить, тщательно одеваться и причесываться перед выходом в магазины, читать толстые журналы, в которых она уже мало что понимала, и произносить перед соседками монологи.

Надя заметалась. После таких скандалов вообще-то нужно съезжать с квартиры – хоть на вокзал! Но что, если Герка опомнится и вернется?

Или опять позвонит та девчонка? Богуш решил, что переезжать в гостиницу все же надо – пусть старая дура, опустошив холодильник, задумается: на какие деньги покупать сервилат и красную рыбу, к которым она привыкла за последнее время?

Он уже кое с кем в Протасове познакомился, позвонил одному, другому, и к ночи семейство перебралось в сравнительно недорогой гостиничный номер. Наутро Богуш приступил к поискам сына.

Та квартира, откуда он уже извлекал Герку, оказалась заперта. В ментовке посоветовали потолкаться вечером возле двух известных дискотек – подростки бегают туда отовариться. Богуш несколько ночей исправно дежурил. В конце концов к нему привязались два крепких парня, вроде даже и не подвыпивших, и он приволокся в гостиницу с фонарем под глазом и выбитым пальцем на правой руке. Ему слишком давно не приходилось пускать в ход кулаки.

Утром Богуш посмотрел в зеркало – и ужаснулся. Многие мужчины за пятьдесят в утренней седой щетине выглядят как древние, пожеванные жизнью деды, но он не ожидал, что это случится с ним так скоро. Да еще фонарь, который привел Надю в ужас. Собственно, из-за такой ерунды, как фингал под глазом, они наконец основательно поругались. Держались, держались – и не вынесли напряжения.

Богуш обвинил Надю в том, что она и только она потворствовала Геркиным затеям со «способностями». Так ведь и было – пока факт «способностей» не подтвердили два мошенника. А если бы Надя вела себя чуть умнее – парень не пошел бы слоняться по всяким идиотским гадальным салонам и не напоролся бы на Буханцева с Золотовым, или как там их зовут на самом деле.

Надя сперва плакала и бестолково отбивалась, потом перешла в нападение. А чего другого ждать от мальчишки, который вырос фактически без отца, кричала она, чего другого ждать от ребенка, на которого вдруг свалились сперва слава, потом – позор?! В чем-то она была права, но ее правота еще больше разозлила мужа. Сын пропадает непонятно где – а она припоминает какие-то давние склоки...

Он хотел еще напомнить про деньги. Сейчас, когда Богуш уже третий, чтоб не соврать, месяц не показывался у себя в прокуратуре, он не имел ни своей законной зарплаты, ни тех поступлений в конвертах, которые уже чуть ли не планировал – настолько регулярно они находили его. Дикий образ жизни, с гостиницами и переездами, требовал немалых расходов, да еще московский провал был щедро оплачен... А жене даже на ум не приходит спросить – Гриша, как там у нас с деньгами?

Но до таких упреков Богуш еще не мог унизиться. Пока денег хватало. Пока – хватало... В конце концов, он мог вернуться домой и что-то сделать с квартирами. Либо продать наконец Надину, либо ту, роскошную и практически полностью отделанную, в которую вложена куча денег. Он мог продать машину – все равно планировал вскоре купить новую, а эту отдать Герке. Но он не мог вырваться домой, потому что самая жизнь сына была теперь в опасности, а мать не станет ходить ночью вокруг всяких сомнительных заведений и выслеживать обколотую молодежь; все, на что она способна, – это сидеть в гостиничном номере перед галдящим телевизором и утирать слезы с соплями!..

В какую-то минуту удача улыбнулась – Богуш высмотрел-таки знакомую по первому Геркиному притону девчонку, пошел за ней следом и понял, где отсиживается сын.

По природе Богуш был человеком решительным. На сей раз он действовал быстро и четко. Акция по изъятию Герки из Протасова завершилась успешно. Взяв пару уже прикормленных ментов, он выдернул совершенно никакого сына из грязнейшей постели, даже не дал одеться, а закинул в патрульную машину и доставил на вокзал, где в купе ночного поезда ждала Надя. Штаны и куртку, ботинки и шапку приобрести можно где угодно, хоть в привокзальном киоске!

Выбранный Богушем город был ничем не лучше Протасова. Пока муж стерег на вокзале хнычущего и малость не в своем уме Герку, Надя взяла такси, поехала в гостиницу, потом в другую, сняла на две недели номер. Герку привезли, Богуш сунул его в ванну и смыл с сына двухнедельную грязь.

Герка, смутно понимая, что такое с ним происходит, пытался качать права. Допытался до крепкой оплеухи.

На сей раз родители уже были умные. Пока отец драил сына жесткой мочалкой, мать обзванивала частные клиники и искала нарколога, который поместил бы Герку под замок и не выпускал до полного прояснения в мозгах. Она действительно нашла человека, который обещал сотворить чудо. Слишком поздно выяснилось, что его больные уже отработали систему получения дури с воли и даже не рвутся прочь из палат – им и там неплохо! Тем более, что две мужские палаты – на втором этаже, а две женские – как раз под ними, и ночью начинается настоящая жизнь...

Богуш обнаружил это случайно – Герка проболтался о неудобствах, которые возникают при посещении сортира. Оказалось, вместо свободы от наркотической зависимости он схлопотал триппер. Отец уже не имел сил ругаться...

Опомнившись, он забрал сына из частной клиники, не заплатив за лечение и пригрозив наслать на хозяина все сразу: ментовку, прокуратуру, санэпидстанцию и чуть ли не комиссию ООН по правам человека. Герка позволил перевезти себя в гостиницу. Он был достаточно вменяем, чтобы выдержать долгий разговор с родителями. Ехать домой он отказался наотрез. А пожить в чужом городе и даже походить в школу был не против. Надя прослезилась – так разумно и спокойно рассуждал сын.

Наутро его в номере не оказалось.

Никого не зная в чужом городе, он предпочел голодать и спать под забором, лишь бы не оставаться с родителями. Потому ли, что и они были свидетелями его позора? Этого Богуш понять не мог.

Некоторым утешением служило, что ребенок прихватил с собой отцовское портмоне и, значит, с голоду не помрет. Но там же, в портмоне, были кредитные карточки, которыми Герка все равно бы не мог воспользоваться, зато Богушу их откровенно недоставало...

– Это все ты! Это все ты! – кричала Надя. – Как хорошо было без тебя!.. Господи, как мы с Геркой хорошо жили, пока тебя не было!..

Пришлось выйти и хлопнуть дверью.

Жизнь не рухнула сразу – короткое и сильное потрясение Богуш пережил бы легче. Она обваливалась понемногу. Возвращаться домой без Герки Богуш не то чтобы не мог – мог, конечно, однако он смотрел чуть подальше собственного носа. Герка был ему необходим – и как витрина его успехов в том числе. Не вернуться он тоже не мог – родной город кормил и поил, в другом месте все пришлось бы начинать сначала, а начинающий хорош только до двадцати пяти лет, после на него смотрят с опаской – неудачник, что ли?

Герка был нужен Богушу – а вот Надя, кажется, нет, и она сама это инстинктивно понимала, отсюда и крики, и слезы. Вот бы у нее хватило ума собрать чемоданы, с тоской думал Богуш, идя по незнакомому проспекту, вот бы она убралась, и тогда можно спокойно заниматься Геркой. Мать, так ее!.. Воспитала размазню – парень от первого же щелчка по носу сорвался с нарезки...

Богуш накручивал себя, вспоминая, как она подлизывалась вечером к сыночку. Нет, феодалы все-таки были правы: в шесть лет мальчик переходит из женских рук в мужские, и точка. Тогда есть шанс вырастить его мужчиной. И ведь еще неизвестно, как именно Надя настраивала сына против отца все эти годы, как обучала его быть плаксивой бабой, по мелочам завистливой, неспособной ни на какой поступок!.. Вот сейчас она хнычет в одиночестве – и не понимает, что своим материнским оголтелым сочувствием спровоцировала все Геркины неприятности!..

А вокруг была весна, потихоньку перетекающая в лето. Богуш и не понял, куда подевалась зима. Были деньги – и Надя, обнаружив потепление, купила ему и себе демисезонную одежду, какие-то курточки, потом – недорогую обувь, теперь вот на ногах у Богуша были сан-

далеты, откуда взялись – непонятно. В жизнь бы он не обул такой дряни у себя в городе! А тут – шлепал по временно безымянному проспекту, больше всего похожий на... на... на засранца, злобно определил это сходство Богуш, да, на засранца, который в состоянии пропитать себя исключительно жареной картошкой и дешевой водкой!

При его любви к красивым дорогим вещам эта мысль была невыносима.

Домой, хотя бы на два дня домой, приказывал себе Богуш, найти маклера Таньку, продать ко всем чертям дорогую квартиру! Им с Геркой она не нужна – а Надя там жить не будет, это решено. Раздобыть денег, одеться по-человечески! Хотя бы на два дня, ведь не помрет же тут Герка за два дня... валяется где-нибудь на блохастом диване, тискает тупую девку... от этого не помрет, а подцепит заразу – вылечим...

Его нечаянно толкнули и он вспомнил, что идет по улице. Тут же Богуш услышал голоса:

– Гляди, Люб! Во! Обдолбанный!

– А ни фиги ж себе! Его же задавят!

Богуш дернулся, резко повернул голову туда, куда глядели две изумленные тетки, и увидел сына.

– Ой, мамочки мои... – громко прошептала Люба.

Герка переходил улицу посередине и наискосок. Машины неслись в шесть рядов – но он даже не смотрел по сторонам, просто ноги как-то несли его, не давая упасть, он и шагал без всякого соображения. Вокруг выло и взвизгивало, но он не слышал...

Богуш окаменел. Нужно было броситься в дырку между машинами и вытащить сына! Но машины шли густо, перекрестки были далеко. Герка то появлялся, то исчезал. Ему даже не приходило в голову остановиться, переждать опасность!..

Никогда в жизни Богуш не знал такого ужаса, чтобы тело отказалось слушаться, мозги – работать, и осталось только зрение.

И тут он увидел на проезжей части еще одного человека. Человек в длинной, выпущенной поверх широких черных штанов желтой футболке бежал рядом с машиной во втором ряду, приотстал, проскочил за ее капотом перед самой мордой грузовика и оказался возле Герки.

Богуш видел, как этот неожиданный человек взял его сына за руку и повел, и повел по прерывистой белой черте, разделявшей полосы движения, и в нужный миг потащил за собой, и успел поставить сына уже на следующую прерывистую черту, а потом в последнем рывке доставил его и на тротуар.

– Ой... – прошептала следившая за этими маневрами тетка. – Дай Боже тебе здоровья, сынок!..

Спаситель покосился на нее и ничего не ответил. Здоровья ему как раз и не доставало – он был мал, худ, белобрыс, с вдавленным профилем, с курносом носом, торчащим из какой-то удивительной и не соответствующей строению человеческого черепа глубины. Подбежав и схватив обеими руками Герку за плечи, Богуш едва не столкнулся белобрысого на проезжую часть.

– Это ты? – спросил Герка. – Послушай, дай десять рублей. Я девчонке мороженое обещал.

О том, что у него отцовское портмоне с деньгами и карточками, сын забыл окончательно и бесповоротно. И в какой грязи он извозился, прежде чем выйти на проспект, – тоже явно не знал. Вонь была такая, будто парень годами бомжевал и гадил там, где спит.

– Вы его лучше домой отведите, – посоветовал белобрысый. – Он совсем никакой.

– Вижу, – согласился Богуш и вдруг понял, что вообще-то за спасение сына нужно хоть спасибо сказать.

– Больше его к Шаману не пускайте. С него одного раза хватит.

Белобрысый не уговаривал и не советовал – он приказывал. Правда, глядел при этом вправо и вниз, все-таки ему было неловко вправлять мозги старому дураку.

– А ты откуда знаешь, что он был у Шамана?
– Там познакомились.
– Послушай... Пойдем с нами! – неожиданно позвал Богуш. – Ты даже не представляешь...

– Да представляю, – белобрысый отступил назад. – Забирайте его скорее.

Сейчас Богуш увидел, что это уже не мальчик. Спасителю было больше двадцати, у него и борода всю росла – только была светлой, золотистой и издали не видной. Сантиметровая щетинка торчала из подбородка и шеи, на щеках ее почему-то не было.

– Пойдем с нами, – повторил Богуш, не находя от волнения других слов.

– Да некогда мне. Вы его больше не отпускайте.

Белобрысый побежал к троллейбусной остановке и успел вскочить в заднюю дверь.

– А где Цуца? – спросил Герка.

– Кто?

– Цуца. Этот...

– Ты его знаешь?

– Знаю. Классный мужик. Он вчера анекдоты рассказывал.

– Пошли к матери, будут там тебе анекдоты... – проворчал Богуш.

Он допускал, что низкорослого мальчишку могут дразнить Цуциком. Однако наступает время менять клички. Самого Богуша вон Бобиком дразнили, но после школы – как отрезало. Этот был уже не мальчик – значит, и не Цуцик. Надо же – Цуца...

По дороге сын делался все более словоохотлив, размахивал руками и странно дергал локтями – словно подталкивал в бок кого-то высокого и незримого. А если бы Богуш посмотрел сбоку, как идет Герка, то глазам бы не поверил – ноги настолько опережали туловище, что по всем законам физики сын давно должен был сесть на асфальт.

Богуш притащил Герку в гостиницу, привел его в номер по служебной лестнице и обнаружил там Надю, собирающую дорожные сумки. Оказалось, она разговорилась с горничной и сняла буквально за гроши двухкомнатную квартирку.

Это имело смысл – без посторонних глаз было легче наладить присмотр за сыном. Богуш не стал рассказывать жене, как непонятный Цуца спас Герку из-под колес, а принял активное участие в переезде. Потом он сидел с Геркой, пока Надя бегала по окрестным магазинам и закупала необходимое для житья. Герка снял все, даже трусы, и завернулся в покрывало с тахты. Его одежда непереносимо воняла, словно парень искупался в канализации. Надя утверждала, будто это вообще не его джинсы и майка – она приобретала вещи хотя дешевые, но совершенно новые, а эти прямо на глазах расплзались. Герка ничего объяснить не мог.

Квартирка оказалась на втором этаже блочного дома, классическая хрущоба, в которой крупному Богушу было не повернуться. Двери между прихожей и кухней, а также между прихожей и первой комнатой не имелось. Но окна выходили во двор, двор оказался зеленый, вся торговля – рядом, даже рынок, и в довершение радости, в том же квартале имелась и школа. Появляясь с новыми приобретениями, Надя докладывала об очередном открытии.

Герка понемногу вспоминал о своем побеге. У него образовался провал в памяти – он сбежал потому, что испугался каких-то людей, и решительно не помнил, как переходил безымянный проспект. Какие люди примерещились сыну – Богуш не докапывался. Он уже и тем был доволен, что нашлись кредитные карточки. Потом Герка, обаянный неожиданным весельем и оптимизмом, заговорил о Цуце и компьютерах. Это было совсем отрадно – оказалось, они познакомились в компании, где рассуждали о программах, и что-то засело у Герки в памяти. Но как он в ту компанию попал, как оттуда уходил – уже было совершенно непонятно.

Отец с сыном договорились до того, что Герка завяжет и с алкоголем, и с дурью, пойдет в школу с математическим уклоном, а к моменту окончания папа найдет для сына солидную компьютерную фирму, где можно заниматься серьезными делами, а не устанавливать с утра

до вечера Windows в свежесобранных уродцев. Надя приготовила первый на новом месте обед, семья впервые за много дней собралась за кухонным столом, пусть временно – но своим, семья ела суп из пакетиков, сосиски, вареные макароны с кетчупом и целых полчаса была счастлива.

Герка ушел через окно. Родители думали, что он прилег после бессонной ночи вздремнуть, а он высмотрел дерево с длинной веткой – и дал деру.

– Нам надо уезжать отсюда, – тихо сказал Богуш.

– Куда? – безнадежно спросила Надя. – Дальше-то куда?.. Свинья везде грязи съест...

И посмотрела в угол прихожей, где лежала кучка Геркиного тряпья. Надя собиралась вынести ЭТО, когда стемнеет.

Богуш понял – она уже не любит сына так, как любила всего полгода назад. Если бы ей вернули тогдашнего Герку с тройкой по физике – она была бы счастлива. Теперешний Герка был не тот, кого она вырастила, она мучительно искала в этом грязном, то бессловесном, то крикливом, пропахшем сыростью, плесенью и чуть ли не дерьмом существе чистенького мальчика «со способностями». И злость вскипела – Наде было всего тридцать восемь, она могла родить себе другого сына! Не зря же она так старательно предохранялась, пила разноцветные таблетки и сильно переживала, если пропускала день!

Богуш не знал, что комедию с таблетками Надя устроила ради него, чтобы не было тягостных разговоров о его болезни.

Только для него Герка был единственным! Для нее – лишь первым! Она может рожать хоть ежегодно, думал Богуш, она может родить от любого мужчины, от самого крепкого, здорового, молодого! Она может вынянчить целую стаю толстеньких детишек! Она может усилием воли забыть про первого – неудачного!..

Надина нелюбовь к сыну Богуша в какой-то мере устраивала. Она позволяла решить по крайней мере одну проблему.

– Ну, вот что, – сказал он. – Нам вовсе незачем вдвоем охранять этого балбеса. Ты сегодня вечером едешь домой и занимаешься продажей квартиры. Это дело долгое. Но если не начать – само не делается.

– Которой квартиры? – не поняла она.

– Ну, нашей.

Надя вздохнула.

Ага, подумал Богуш, вот и еще аргумент. Ей жалко огромной квартиры с великолепной мебелью. Муж фактически остался без работы, сын фактически стал наркоманом! А она сейчас начнет тосковать о кухонных полотенцах!

Но Надя не доставила ему такой радости.

– Обидно, – только и сказала она.

Ага, подумал Богуш, она рада унести отсюда ноги. Она рада отдаться квартирным хлопотам, лишь бы не видеть постаревшего мужа и безнадежного сына. Герка болен – но у нее, очевидно, кончился срок физиологического материнства. И в глубине души она считает, что руки развязаны...

Надя позвонила на вокзал, выяснила, что прямого поезда нет, а есть только с пересадкой, позвонила и на автовокзал, наконец добралась до аэропорта. Все эти переговоры с диспетчерами она вела отрешенно, и Богуш думал – ага, душой она уже не тут, а там...

То, что творилось с Надей, было обычным итогом затяжного стресса. Она устала – и навалилось безразличие. Так утопающий, устав барахтаться, посылает к чертям собачьим пресловутую соломинку с собственной жизнью вместе.

Оказалось, что вещей у нее совсем немного. Зимнее непостижимым образом оставили в Протасове – не до тряпок было. Летнего купили ровно столько, сколько нужно неизбалованным людям.

– Поедешь поездом, – решил Богуш. – Но через Москву. Попробуй позвонить этим сволочам. Они думают, что мы исчезли, и перестали прятаться.

– Знаешь, Гриша, а ведь я, кажется, поняла, в чем дело, – вдруг сказала она. – Это была обыкновенная зависть. Ведь они оба, и Золотов, и Буханцев, сами чем-то таким занимались. А Герка оказался способнее их! Вот они все и подстроили.

– Если я еще хоть слово услышу о Геркиных способностях, дам пощечину, – предупредил Богуш. – Я не шучу. С меня хватит!

И она испуганно замолчала.

Проводив жену, Богуш вернулся в дом, где предстояло жить и вытаскивать из беды Герку, теперь уже – в одиночку. За эти недели он устал от Нади – и так было тошно, а она еще добавляла своими бабскими глупостями. Богуш принес с собой бутылку водки и уселся на кухне – думать о будущем.

Все летело в тартарары.

Он не мог возвращаться домой с сыном-наркоманом. Недоброжелателей хватало – первый же Геркин загул был бы описан во всех подробностях и опубликован по меньшей мере в двух из пяти ведущих городских газет.

В том, что Герку можно вылечить только за границей, Богуш уже не сомневался. Там есть настоящие частные клиники, но там ведь и платить придется немерено. А у него – только то, что удастся выручить от продажи новой квартиры со всеми ее потрохами. Вложено в это жильё шестьдесят пять тысяч зеленых, и как бы Надя ни вертелась, покупатели поймут – деньги хозяйке нужны срочно. По меньшей мере десять тысяч потеряет она при продаже – и с этим придется считаться.

А когда отыщется заграничная клиника, придется везти туда сына лично и контролировать ситуацию. Пятьдесят пять тысяч – не такая гигантская сумма, заграничные цены Богушу известны. В прокуратуре на нем, скорее всего, уже поставили крест. Сколько можно верить человеку, который каждые две недели звонит и просит продлить отпуск за свой счет? Так что, когда Герку вылечат, семья останется фактически без гроша за душой и на пустом месте. Ведь нигде Богуш не сможет получать столько, сколько получал в прокуратуре, официально и в конвертах. Значит, пятьдесят пять – это все, что у него есть в жизни. И ошибиться он не имеет права.

О том, что придется куда-то устраиваться на работу, он старался не думать. Город не без добрых людей, найдут уж ему нишенское местечко в каком-нибудь адвокатском бюро, хотя какой из него, к черту, сейчас адвокат! Или в юридической консультации – и будет он сидеть в кабинете и с тоской смотреть на дверь, войдет или не войдет долгожданный посетитель?..

Буханцев и Золотов, чтоб им обоим сдохнуть, наверняка предвидели, что Герка сорвется и, как многие его ровесники, подсядет на иглу!

Но за что?..

Богуш знал за собой немало грехов. Но люди, которые могли считать себя обиженными, не имели таких связей в Москве, чтобы устроить Герке и всему семейству Богушей колоссальный провал и разгром. Если бы имели – не оказались бы обижены, а решили проблему на уровне толстенького конвертика...

В дверь позвонили.

Время было такое, что визиты трезвых соседей исключались. Вероятно, пришел знакомиться пьяный сосед. У Богуша еще оставалось полбутылки. Он решил, что надираться в одиночку – действительно предпоследняя ступенька перед окончательным падением, и пошел открывать.

На пороге стояли Герка и Цуца.

– Здравствуйте, – сказал Цуца. – Гер, заходи, что ты стал?

Сын молча вошел и отправился на кухню – пить воду.

- Где ты его нашел? – спросил Богуш.
- Возле стекляшки тусовались, он туда пригреб. Вы бы, что ли, его увезли? Такие лопухи первые пропадают, – прямо сказал Цуца.
- А ты, значит, не лопух? Заходи.
- А я меру знаю. Мне никто лишнего даже не предлагает, – объяснил Цуца, закрывая за собой дверь и кидая в угол прихожей сумку, что носят, как солдатскую скатку, поперек туловища. – И я не колюсь, я закидываюсь. Или травку понемногу. Это тоже все знают. Если характер выдерживать – то ничего, не страшно.
- А как дорогу нашел?
- Сюда, что ли? Ну, спросил его – Герк, ты где живешь? Пошли, что ли? Он и привел. Герка был в этом доме всего раз, и то – привели наполовину невменяемого, а смылся в окно. Однако мысль о способностях Богуш отогнал беззвучным матерным словом.
- Почему он тебя слушается?
- Он? Меня? А леший его знает. Я говорю – пошли, он идет.
- В голове у Богуша зародилась мысль.
- А как ты насчет водки?
- Водовка – это хорошо, – улыбнулся Цуца всем своим страшноватым личиком. – А что, есть?
- Есть. И бутерброды с колбасой тоже есть. Чай заварить могу.
- Они пошли на кухню и долго устанавливали табуретки так, чтобы сесть за стол втроем и при этом держать в поле досягаемости чайник на плите.
- Тебя на самом деле как звать? – спросил Богуш, разливая водку по чайным чашкам.
- Цуца.
- На самом деле?
- Ну, Цуца. Вы что – отдел кадров?
- Герка засмеялся.
- Да, я отдел кадров. Что тебя в этом городе держит? Квартира у тебя? Работа? Девчонка?
- Работа, – подумав, сказал Цуца. – Я на компьютерную фирму работаю. Я по железу. Но могу и по матобеспечению.
- Ага, может, – подтвердил Герка. – Он мне классную книгу дал по программированию. Сейчас принесу.
- Протиснувшись, сын вышел с кухни. Богуш невольно потянулся следом – не повторился бы уход через окошко.
- И вторую часть возьми! У меня в сумке! – велел Цуца.
- Ага!
- Сколько получаешь? – спросил Богуш.
- Мало получаю.
- Вдвое больше – и я увожу вас с Геркой обоих. Идет? Заберемся в какую-нибудь глушь и будем жить, пока из него дурь не выйдет.
- Это вы мне хотите платить, чтобы я из него дурь выгонял?
- Да, – весомо ответил Богуш. – Будешь при нем как нянька. Сумеешь его вытащить – я о тебе позабочусь. Будет у тебя работа, квартира, все будет. Только вытащи его!..
- Так я же не лекарь... – пробормотал изумленный предложением Цуца.
- Он тебя слушается. И сам заодно вылезешь. Тебе твои колеса на пользу не пойдут. Рано или поздно сорвешься. Ну так как?
- Я могу его учить, – поразмыслив, предложил Цуца. – Ему это интересно. Он в математике сечет, можно на программера натаскать. Только машину ему купить нужно, не ноутбук, а нормальную машину, чтобы можно было апгрейдировать. И к Паутине подключиться. Тогда бы мы с ним вместе тут сидели и работали.

– Тут? – Богуш так привык к мысли, что нужно увозить Герку отовсюду, где есть соблазны, что не сразу догадался: Цуца прав, дальше нестись некуда, и если сейчас занять сына делом, он не станет заводить подозрительно добрых приятелей, которые всегда рады продать лучшему другу недостающую до полного счастья дозу.

Следующие два дня были наполнены радостной суетой. Втроем ходили в фирму, где работал, точнее, подрабатывал Цуца, и выбирали классную машину. Кроме того, Цуца знал телефон действительно хорошего врача, которого вызвали прямо домой. Врач поговорил с Геркой наедине, потом, опять же наедине, потолковал с Цуцей. Наконец он вышел на кухню с Богушем. Перед тем, как приступить к разговору, он аккуратно выкинул в мусорник ампулы и одноразовый шприц.

– Вам этого чудака Бог послал. Он сам знает, что такое дурь, и я его еще проинструктировал. Если что – он знает, как быть.

– Но не может же он круглосуточно сидеть с Герой.

– Сделайте так, чтобы мог. Самые беспомощные на свете люди – это родители, вы уж извините. У вашего сына есть шанс выкарабкаться, не исключено, что единственный, а вы – «не может, не может»!

– Это Цуца – единственный шанс?

– Я думаю, да, – помолчав, сказал врач. – Он сам сквозь всю эту дрянь прошел, он, как бы это сказать... дорогу знает.

Богуш позвонил домой и велел Наде начать с продажи итальянских диванов. Диваны уйдут быстро – а деньги нужны немедленно.

Она отыскала дизайнершу Лизку и действительно быстро избавилась от обоих нежно-голубых кожаных чудовищ. Деньги послала в тот же день. А еще через сутки маленькая комната в хрущобе была забита техникой, которую Цуца трясущимися руками выпрастывал из заклеенных белоснежных ящиков и из запрессовок.

– Ну, Григорий Леонидович, ну!..

Это был ручной сканер, с которым можно ходить в библиотеку, это был цветной принтер, это были коробочки с лицензионными программами, это был «тауэр» в модном, с закругленными углами, кожухе, это была эргономичная клавиатура, а еще стояли нераспакованные ящики, и в одном был ноутбук для Цуцы, о чем он пока еще не знал. Богуш откровенно покупал помощь странного парня и показывал щедрость с намеком: вытацишь сына – получишь вдесятеро!

Ночью пришлось вызывать врача. Герку ломало и корежило. Очевидно, та сигарета, которую он днем выкурил на балконе, с виду – заурядный «Кэмел», была с какой-то левой начинкой. Он умолял Цуцу добежать до какого-то Луня, взять обычной, совершенно невинной травки, а Цуца орал на него, убеждая, будто Лунь гонит фуфловый товар.

– Ты думаешь – почему он так дешево берет, козел? – шумел Цуца. – Ты знаешь, что он в травку добавляет? Героин дерьмовый, чтобы ты скорее спекся!

– У него голландская травка! Он сам говорил! Цуца, сходи к нему! Ну, что тебе стоит? Цуца, я же загнусь на фиг!

– Голландская?! Гонит он, понял!

Когда приехал все тот же врач, сделал укол и, помня о щедрости хозяина, остался сидеть с Геркой, Цуца на кухне объяснил Богушу, в чем тут прикол.

– Голландскую выращивают в теплицах с особым освещением. Получается очень крепкая. Афганка с ней даже рядом не валялась. А Герку чуть на героин не посадили. Нужно будет, когда он уснет, все там обшарить. У него, может быть, деньги припрятаны. Чтобы не ушел и не купил у Луня этой дряни.

Богуш прислушался – врач что-то там толковал обессилевшему Герке.

– Знаешь, не могу я тебя звать Цуцей, – вдруг сказал он. – Давай как-нибудь по-человечески.

– Да я Цуца и есть, – в который уже раз ответил парень. – Я же в этой тусовке с двенадцати лет. Так Цуцей и помру.

– Откуда у тебя деньги на дурь были? – спросил Богуш. – Не мать же давала.

– Я таких знаю, кому матери дозу покупают – лишь бы дома сидели, – ответил Цуца. – Нет, я такое перепробовал, что вам и не снилось. Молочко – знаете?

– Маковое? – крепко подумав, уточнил Богуш. Что-то такое он где-то когда-то читал.

– Конопляное. Это в августе примерно варят. На всю команду. Это видеть надо! Берут большую кастрюлю, набивают коноплей до упора, заливают молоком – не меньше трех литров, на литр молока берут чайную ложку соды, сода – катализатор, без нее не получится, сливочного масла пачку, и варят.

– Долго? – одновременно пытаюсь разобрать, что там бубнит врач, поинтересовался Богуш.

– Часа два-три, не меньше. Можно пять, если жить надоело. Чем больше уварится – тем дурь сильнее. Норма на рыло – триста грамм. Можно еще сгущенку добавить, можно – чайный лист, он тоже служит катализатором. Действует до двенадцати часов. Крыша едет уже через час. Но вонища такая – нос затыкают и пьют.

– Ты только не бросай его, ладно, – попросил Богуш. Он почувствовал, что внутри него словно завод кончился, как у дешевого будильника. И он вдруг живо представил, как Надя, не выдержав криков и слез, сама, своими руками, дает сыну деньги на дурь. Очень четко увидел он лицо жены – и все равно не понял, что за чувство оно выражало: извечную бабью жалость к убогому или обреченность, которая учит покупать хотя бы несколько часов относительного покоя, а потом – будь что будет...

– Да куда я денусь...

Богуш встал из-за кухонного стола.

– Ты тут все знаешь – где точка?

– Вы не найдете – я сам схожу. Чего взять?

– Чего-чего... Ее самую...

Цуца довольно быстро принес бутылку и показал Богушу, как ее нужно взбалтывать, чтобы по водочным завихрениям понять – фабричная или крутка. С гордостью продемонстрировал полосы от клея на этикетке, видные, если смотреть как бы изнутри. Полосы были ровные и правильные – от автомата, как объяснил Цуца. Так что водку можно было пить спокойно – что они и сделали.

Спиртное позволило Богушу вздохнуть с облегчением. Все ведь еще могло наладиться. И следующий день принес некоторое просветление. Цуца устроил подключение к Сетям и сразу же усадил еще невменяемого Герку к монитору, стал ему что-то показывать и рассказывать, не обращая внимание на его замедленную речь и странные движения – как будто он пытался ударить локтем кого-то незримого, молча караулящего за спиной.

Они целый день бубнили на языке, которого Богуш не понимал, и отдельные русские слова казались неестественными, словно попали в речь по ошибке. Но было кое-что отрадное – Герка искренне радовался, откопав в Сетях что-то важное, и потом, когда Богуш в третий раз пришел звать ребят обедать, оба вышли очень довольные – дело заладилось.

Так они провели в тесной комнатке несколько дней, почти не вылезая, и до того дошло, что Богуш отправился на базар покупать Цуце новую футболку, а заодно и домашние тапочки. Парень совершенно не вспоминал о своем доме и даже не хотел никому позвонить, чтобы успокоить: жив, мол, трезв, делом занимаюсь.

На базаре он как-то неожиданно легко сошелся с мужчинами у пивной бочки. Оказалось, они его приметили еще когда семья вселялась в хрущобу. Профессиональных навыков Богуш

не растерял – соврал про себя и семью довольно складно. К собственному удивлению, он чувствовал себя в этой компании неплохо – получив простые ответы, мужики глубже не копали, а заковыристый Богушев анекдот приняли на «ура» – ржали так, что пиво из кружек на полметра выскакивало.

С Богушем произошло то, в чем он совсем недавно обвинил Надю – он перестал сопротивляться. То ли и впрямь дело пошло на лад, то ли ему так казалось, но он объявил себе, что честно заслужил хотя бы небольшую передышку, хотя бы на денек, иначе – не выдержать, слишком долго был в напряге. Это «на денек» было сильно похоже на ложь – пил Богуш примерно неделю, и каждый вечер объяснял сам себе про небольшую передышку. Но, пока он пил, с Геркой ничего плохого не произошло. Сын сидел дома безвылазно – и это уже было счастье. Цуца – и тот выбирался крайне редко.

Оставленные Надей припасы кончились. Богуш пошел на рынок. Вернулся он оттуда с двумя большими пакетами и впервые за много лет сам, своими аристократическими руками, почистил картошку и лук. Он знал, что Герка любит жареную картошку, а ежедневные макароны и китайская вермишель ему уже поперек горла. Раз мать сбежала и сидит теперь в роскошной квартире, то оно и к лучшему.

Он понял, что хочет вытащить сына из этого дерьма в одиночку.

Всю жизнь он возводил какую-то бессмысленную пирамиду. В какой-то миг осознал, что там, наверху, должны быть удачные и успешные дети. Герка был этой самой вершиной пирамиды – Богуш теперь уже не мог допустить, чтобы кто-то другой пристегнулся к судьбе сына.

Опомнился он солнечным утром – оказалось, заснул за кухонным столом, чуть ли не как пьяница на свадьбе, мордой в салат. В бутылке еще оставалось полста грамм. Это привело его в чувство. Потом он заглянул в проходную комнату и увидел закрытую дверь Геркиной берлоги. Прислушался – там было тихо. Вдруг испугался – а не сбежал ли Герка? Не сразу вспомнил, что с ним там Цуца. Очевидно, сын всего-навсего спал. Если они с Цуцей целую ночь болтались в Сетях, то днем должны отсыпаться.

Утро было на редкость ясное. Хоть погода радовала... Богуш вышел на балкон, оглядел окрестности. Справа уходила вдаль китайская стенка пятиэтажек, тех самых, гарантийный срок у которых – двадцать лет. Справа была улица, за ней – другие пятиэтажки, пейзаж в целом серый и унылый, если бы не зелень.

Несколько сиреневых кустов окружали детскую площадку с песочницей и какими-то разноцветными урдами из гнутых труб. Песочницу освоили бездомные псы и коты, так что родители даже близко детей не подпускали, и местечко было во дворе с утра самое пустынное. Богуш об этом не задумывался – недоставало еще бабок на лавочках считать. Сознание само внесло в какой-то свой банк данных, что при взгляде сверху этому месту надлежит быть пустым. И оно же не сразу, со скрипом, но отметило – ага, непорядок, пустое место чем-то занято...

Богуш пригляделся. Узкоплечий человек в костюме сидел на лавочке, вытянув скрещенные ноги в остроносых блестящих туфлях, читая газету. Он поднял голову, прицельным взглядом проверяя известные ему окна, и Богуш узнал лицо. Это был Золотов.

Каким образом Золотов выследил место, где Богуш спрятал от всего света Герку, зачем явился, чего хотел – было неважно. Даже то, какую роль он на самом деле сыграл в московском провале, тоже уже было неважно. Богуш обещал, что размажет эту сволочь по стенке, – и он был еще достаточно силен, чтобы сделать это.

Но сперва он заметался на балконе – прыгнуть не мог, а где двери – от ярости забыл. К тому же, на нем был халат, а приличный человек в халате по двору не носится, драться в нем, скорее всего, неловко, и Богуш одновременно с дверью уже мысленно искал хоть какие-то штаны.

Но бежать вниз не потребовалось.

Надо полагать, Цуца незаметно успел выйти на кухню и, стоя у окна с большой кружкой крепчайшего чая, тоже увидел Золотова. Богуш не услышал, как хлопнула дверь, но вот вылетевшего из-за угла Цуцу он увидел.

Цуца выбежал прямо к детской площадке и встал перед вскочившим с лавочки Золотовым. Они обменялись какими-то словами, и Цуца заехал Золотову в челюсть. Тот успел уклониться – и началась драка, смесь примитивного бокса с какими-то дворовыми ухватками.

Золотов был выше, руки имел длиннее, чем у противника, но маленький плечистый Цуца впал в настоящий амок. Не считая пропущенных ударов, он насакивал на Золотова, и остолбеневший на своем балконе Богуш понял – если прорвется, вцепится в горло зубами.

Он кинулся в комнату, скидывая халат. Как-то сразу увидел штаны и едва ли не обеими ногами сразу прыгнул в штанины. Рубаху в рукава вдевал уже на лестнице. Хорошо, что Цуца присоветовал купить дешевые сандалии на липучках. Можно было не тратить времени на носки.

Смерти Золотова Богуш вовсе не желал, даже серьезных увечий не желал. Он хотел прижать фальшивого гипнолога к стенке и выяснить хоть что-то подлинное о московском провале. Он хотел притащить эту мелкую сволочь к Герке за шиворот, чтобы тот объяснил парню причину его краха, назвал поименно виновников, и тогда уж Золотова можно было бы карать по всей строгости закона. Но пока Богуш обежал угол дома, враг исчез. У песочницы стоял один только Цуца и ощупывал поврежденный нос. Щека и пальцы были в крови.

– Где он? – выдохнул, подбегая, Богуш.

– Успокойтесь – больше не придет.

– Ты его знаешь?

– Еще бы не знал! Он тут уже давно крутится.

– А я и не заметил... – Богуш искренне расстроился. – Ты знаешь, кто это?

– А черт его разберет.

Цуца посмотрел на пальцы и понял, что все лицо искровянено. Тогда, недолго думая, он стянул майку и стал старательно вытираться. Богуш удивился – ростом парень не вышел, на солнце не валялся, но тело оказалось мускулистым, и это были не сухие, малозаметные мышцы от природы худощавого человека, а довольно объемные, тяжелые, на груди – даже чуть свисающие. Казалось, будто голову уродливого подростка приставили к телу пожилого борца.

– Пойдем домой, я тебе лед к переносице приложу.

– Да ладно вам. И так заживет. Вы вот что, Григорий Леонидович, – к Герке его близко не подпускайте.

– Он мне нужен, – вдруг сказал Богуш.

– Не нужен он вам. Пусть катится. Пусть спасибо скажет, что я его не!..

Цуца осекся.

– У меня с ним свои разборки, а у тебя? – осторожно спросил Богуш.

– Нечего ему к Герке клеиться, – тут Цуца решительно высморкался прямо в майку и внимательно рассмотрел кровавые сопли.

– Он что – клеился?

– Да всех соседей уже достал! У подъезда караулил, гад. Ничего, я знаю, как его отвадить.

– Цуца, ты не знаешь, чего он хочет от Герки?

– Нет, Григорий Леонидович, точно – не знаю. Но хорошего тут не жди. Это не просто наркота, это что-то еще хуже.

– Так он – наркодилер? – Богуш не поверил собственным ушам.

– Ну, и это – тоже... наверно... Все же знают, что Герка колосля!

– Откуда?! – Богуш растерялся. Вот ведь – забрался в сущую глухомань, край непуганых парторгов, и досюда – докатилось...

– Лето же, Герка в футболке на улицу выходил, ребята на его руки посмотрели и – нет вопросов!

– Когда это он на улицу выходил?

– Да было дело, бегал за пивом...

– Да я бы принес ему! – вскрикнул Богуш.

– Чего уж там... ну, вышел...

Цуца неторопливо пошел от песочницы прочь, Богуш смотрел ему в спину, не понимая – по всем позициям этот парень должен был спиться, скурвиться, склеить ласты еще годам к шестнадцати. А он не только выкарабкался, но еще непостижимым образом держит в руках Герку. Но как, как? Богуш видел своими глазами и слышал своими ушами – ничего такого Цуца не делал и не говорил, что было бы похоже на педагогику.

Он просто спас Герку от смерти, а теперь спокойно и деловито спасал его от всего того зла, которое еще почему-то тянулось к сыну издалека. Понять это было невозможно – не за ноутбук же Цуца купился!

Загадочный спаситель обернулся.

– Григорий Леонидович, вы если на базар пойдете – в самом деле, принесите Герке пива. А я ему яичницу сгоношу.

– Что за вопрос! Если тут эта сволочь вертится, ему лучше на улицу не выходить. Только не заскучал бы он с этими вашими железками.

– Да вы что! Не заскучает! Он программу пишет. Первая программа – это знаете как?!. Это, это... – Цуца попытался найти самое страстное сравнение, не получилось, и он сказал с интонацией взрослого человека, который радуется, что ребенок наконец занят ребячьим делом: – Это надолго.

– Он что, научился писать программы? – изумился Богуш.

– А чего там учиться? Сел на задницу – и пиши. Ну и я ему помогаю. Правда, Григорий Леонидович, тут только это и нужно – сесть покрепче и писать. Ну и по Сетям шариться, все подходящее скачивать, взламывать и нужные куски брать. Вы что, думали, программист – это что-то такое? Анекдот знаете? Привели ребенка в зоосад, показали мандрила – это обезьяна такая с красной рожей и красной жопой, издали не поймешь, где что. Ребенок орет – ой, это наш папа! Мама ему: ты что, у нас папа – человек, программист! А ребенок: и этот тоже – волосатый, рычит, бурчит, чешется и мозоль на заднице!..

Часть вторая

Дверь кабинета приоткрылась. Поворачивать голову было бесполезно – а разворачиваться вместе с креслом Кузьмин не желал, хотя недавно научился. Нужно было оттолкнуться от столешницы левой рукой, и не просто, а дважды, и второй раз движение шло вбок. Но рука очень хорошо лежала на краю стола, компьютерная мышь замерла под ладонью.

– С тобой все в порядке? – спросил голос Галины.

– Да, да...

– Принести тебе попить?

– Я еще это не допил, – Кузьмин показал на пакетик сока, стоявший возле мышинового коврика. Оттуда торчала длинная желтая трубка с изгибом.

– А все прочее?

– Нет, пока не надо.

Он действительно чувствовал себя хорошо, и все потребности притихли.

Кроме того, дочь оторвала его от дела. Он проверял почту.

– Так я пошла?

– Да, конечно, ступай.

– Наталья Борисовна уже тут, раздевается. Не спорь с ней, пожалуйста, она тебе добра желает... и у нее все-таки медицинское образование... – в дочкином голосе было заметное облегчение.

– Да ладно тебе, иди.

Наталья Борисовна была пожилая медсестра, которую Галина взяла в уборщицы и заодно в сиделки. Семья как-то безмолвно постановила, что нехорошо дочери, зятю и внукам выносить горшки из-под отца, тестя и деда. Если бы Галину спросили – она бы ответила, что главное в семье, где есть инвалид, сохранять нормальные отношения. Лучше заплатить постороннему человеку – и видеть своего больного ухоженным, чистым, в комнате, благоухающей жасмином, а не чем-то другим. И все равно ведь приходила к ним раньше дважды в неделю помощница. Ну так семье по карману приглашать помощницу ежедневно.

Медсестра заодно присматривала, чтобы Вадим Игнатьевич выполнял все предписания врача, вовремя давала лекарства, и не просто так, а сообразуясь с его самочувствием. Она даже исхитрилась приучить Кузьмина, как малое дитя, опорожняться в определенное время. Это было особо оценено Галиной.

Парализованный Кузьмин, владеющий только левой рукой, был, конечно, для семьи определенной обузой, но к этой обузе приспособились. И в немалой мере – благодаря внукам. Когда деда перевезли из больницы и стали налаживать его быт, когда он всерьез затосковал и стал облаивать семью ни за что ни про что, именно внуки предложили поставить в дедовой комнате компьютер.

– На кой ему? – проворчал зять. – Пусть телевизор смотрит.

– Ну, па-ап! Ты что, не въезжаешь?

Внуки (одной – четырнадцать, другой – шестнадцать) растолковали: это только кажется, что шестидесятилетний дед никогда не освоит машину. Зато он научится слоняться по Сетям, будет переписываться с бабульками из Америки, и время потечет для него незаметно.

– Хорошо, – сказал зять. – Вот ваш ему на пробу и поставим.

Девчонки отважно пошли на жертву. Кузьмин несколько раз повторил, что он не мальчишка, что ни хрена в этих надписях, картинках и табличках не смыслит. Но у внучек хватило терпения научить его пользоваться почтой. Потом ему показали, как вылезать на сайты с объявлениями, и, наконец, решающее слово сказал зять.

– Вы, папа, анекдот знаете? Приходит к сексопатологу старикашка, жалуется – с женой стало хуже получаться. Врач спрашивает – в чем это выражается? Да вот, отвечает старикашка, всего два раза в неделю. Так это же великолепно – радуется за него врач. Да, великолепно, – скулит старикашка, – а вот соседу девяносто семь, он на двенадцать лет старше меня, и у него получается четыре раза в неделю! Врач: а вы откуда знаете? Старикашка: да сам же рассказывает! Врач, с облегчением: ну так и вы рассказывайте!

Впервые за два месяца Кузьмин рассмеялся. И действительно завел обширную переписку с женщинами. В письмах он был высоким блондином со стальными глазами – это выяснили шкодливые внучки, обнаружив на одном сайте дедово объявление и, естественно, отозвавшись.

Галина вздохнула с облегчением – отец был занят делом. Порядка ради она его поругивала за бессонные ночи перед монитором, но в целом была довольна. Кузьмину привезли хороший компьютер, старый вернули девчонкам, и жизнь потекла более или менее мирно.

Инвалид в доме – еще не самое страшное, так говорила Галина подругам и коллегам, а также врачам, которые по старой памяти позванивали иногда бывшему начальству (Леночка исчезла как сон, как утренний туман, и Кузьмин был ей за это благодарен). Самое страшное – это инвалид-бездельник, требующий круглосуточного внимания. А когда он делом занят – это еще ничего...

Но внешнее благолепие было, естественно, обманчивым. Кузьмин ни на минуту не забывал, по чьей милости оказался в кресле.

Он видел перед глазами ее красивое лицо, лицо профессиональной красавицы, оно приближалось, оно падало сверху, когда он, устав от монитора, запрокидывал голову.

Из-за лица Ольги Черноруцкой он отказался от телевизора – не желал даже случайно видеть ее на экране. Черноруцкая же, с ее непомерной активностью, ввязывалась во всякие неожиданные проекты и появлялась там, где ее не ждали. Конечно, семья оплачивала многоканальное телевидение, но при переключении проклятое лицо возникало на долю секунды – и этого для Кузьмина было более чем достаточно!

На Интернет эта ведьма еще не покушалась – и Кузьмин чувствовал себя во всемирной Паутине вполне комфортно. Он нашел сайты, где были статьи про гипноз, и очень внимательно их освоил.

Он старался подойти к проблеме честно. Десятилетия врачебного стажа за спиной не позволяли верить во всю ту ахиною, которая предназначалась для малограмотной публики. Кузьмин вылавливал в Сетях то, что не противоречило медицинско-материалистической точке зрения. Сеансы гипноза он видел своими глазами и знал, что это – возможно. Поэтому за ориентир он брал свои собственные ощущения и воспоминания.

И все же, все же...

Он действительно не помнил, как оказался в том заброшенном дворе. Не раз и не два он восстанавливал события, начиная чуть ли не с того дня, когда сорвалась поездка в Москву и он решил провести конец недели в пансионате с Леночкой Давыденко.

Эта Леночка была очередной избранницей – после развода с женой Кузьмин ни дня не страдал от одиночества, впрочем, и до развода всякое случалось. А стать его избранницей хотя бы на неделю хотели многие. Кузьмин был галантен, иначе, как «моя красавица», никого из женского персонала больницы не называл, и еще ему органически претила скупость. Для того он и зарабатывал деньги, чтобы чувствовать себя аристократом. Так что Леночке мало было нужды до его почтенного возраста – она радостно приняла ухаживания общего любимца и, надо ей отдать должное, сумела его удержать надолго, на целых полтора года. Кузьмин приодел девушку, свозил ее за границу, и оба считали, что у них идеальный союз – наилучший из всех недолгосрочных, обреченных на безболезненный разрыв и обоюдно приятных, не более, союзов.

В пансионате «Бурцево» все было замечательно – оба проявили себя наилучшим образом. Перед тем, как уезжать, они еще раз уединились в номере и для пущего блаженства выпили: она – шампанского, он – дорогого бренди. Потом, пока добирались до города, хмель еще владел ими, они беззаботно болтали и безобидно задирали шофера. Шофер был знакомый, муж пансионатской поварихи, всегда неплохо получал на чай и был готов к услугам в любое время суток.

Но вот ощущался ли в машине тот запах бензина, который в конце концов настолько допек Кузьмина, что проще оказалось выйти на перекрестке Московского проспекта и улицы Грушко? Или воняло как обычно, воняло вполне терпимо, но какое-то беспокойство стало овладевать Кузьминым?

Его начал раздражать милый смех Леночки, а бензинная вонь делалась все круче, от нее уже с души воротило. На самом деле? Или было что-то третье, подлинная причина тревоги? Он вышел, зная, что до дома – четыре квартала, уверенный – на дорогу уйдет минут десять, и он успеет продышаться. Как вышло, что он пересек проспект? Как, черт возьми, вышло, что он пересек проспект?!!

Это было решительно ни к чему. Чтобы попасть домой, Кузьмину следовало прошагать квартал по правой стороне проспекта, потом свернуть, опять же направо, и через три квартала он уже практически был дома. Но его понесло налево, по Трифоновской, и был же, был момент прозрения! Он посмотрел на витрину мебельного салона – и это оказалась витрина обувного магазина. Он еще спросил себя – что за ерунда? И тут же словно кто-то поволок его дальше, смахнув в небытие подставки с итальянской обувью. Дальше?..

Дальше был двор. Только там он опомнился. Он прошел не четыре, а, пожалуй, все десять кварталов. Он продышался – бензиновая вонь ушла. Удивленный и немного испуганный – уж не спал ли на ходу? – он повернулся и увидел Ольгу Чернооруцкую.

Она подкралась незаметно, стояла на свежевывавшем снегу и ждала, пока он обернется.
– Вы что себе позволяете? – спросил Кузьмин.

Чернооруцкая молчала. Только смотрела ему в лоб. Похоже, впервые в жизни он видел, как молчит эта стерва. Видел и слышал.

– Ну, знаете ли! – возмущенно воскликнул Кузьмин. Он уже понял, что сделался жертвой гипноза, что нужно уносить отсюда ноги, и повернулся в другую сторону, но там ему заступил дорогу мужчина, высокий, сутулый, с унылыми усами. Кузьмин растерялся – обложили! Он пожелал высказать Ольге все, что о ней думает, шагнул в ее сторону – но там уже стояла девушка, на вид – ровесница Леночки, в вязаной шапке и старой дубленке.

– Да чтоб вы сдохли! – воскликнул Кузьмин, резко развернулся – и тут оказалось, что Ольга бесшумно перенеслась к нему за спину. Но рядом с ней стояла еще какая-то женщина с невнятным лицом, да и женщина ли? Кузьмин, чтобы обойти эту парочку, принял влево, но там был парень, державший за руки двоих детей, а мальчиков или девочек – не понять.

О том, что Чернооруцкая сует нос во всякие потусторонние явления, Кузьмин знал уже давно. Когда эта стерва начала против него клеветническую кампанию в газетах и на телевидении, когда затеяла свои независимые расследования, он тоже стал собирать о ней информацию. Оказалось – много чего нахваталась, а профессионально умеет только врать в камеру.

Ох, как пожалел сейчас Кузьмин, что не принял всерьез ее интереса к методам воздействия на психику! Нужно было столкнуться с этим лично, персонально!..

Однако было странно – почему она молчит? И почему все эти люди, которых она нагнала полон двор, тоже молчат?

А людей никаких нет – догадался вдруг Кузьмин, это она так пугает. Надо же – ведьма, настоящая ведьма! А что положено сделать с ведьмой? Ее положено... ага! Перекрестить! И вообще – чем меньше ее боишься, тем больше толку. Подумаешь – гипноз! Теперь, когда Кузьмин понял, в чем проблема, гипноз ему не страшен.

Он решительно двинулся к Ольге.

– Если ты, мать твою, немедленно не прекратишь эти штучки!..

Дикое раздвоение действий тела и души ошарашило его хуже итальянских башмаков в мебельном окне и труппобного пейзажа вместо родного подъезда. Он всем сердцем устремился вперед – однако ноги сделали несколько шагов назад.

Ольга, опять же – бесшумно, оказалась рядом. Кузьмин отчетливо видел ее лицо. Другие лица сгруппировались за ее плечами – бесплотное воинство гипнотических видений, созданных ее волей, дивизия глюков!

Лицо Ольги принялось расти. Вот это было уже действительно страшно. Душа метнулась вправо и влево. Ноги совершенно самостоятельно отступали назад.

А потом прозвучал мужской голос. Сперва был непонятно чей вздох, после него – этот совершенно незнакомый голос, и произнес он обреченно, с безмерным сожалением:

– Суд Божий... .

И лицо Ольги совсем приблизилось, стало ничуть не меньше портфеля, что нес с собой Кузьмин, и сильнейший бело-голубой удар отправил Кузьмина в долгий-долгий полет... .

Потом все было именно так, как бывает, когда человек свалится в погреб, к подножию каменноугольной горы, и на него оползет куча угловатых промерзших глыб.

То, как барахтался под углем, Кузьмин вспоминать не любил, не хотел – и не вспоминал. Только то, что было до падения.

Он хотел умом понять, что же произошло в ту ночь. Поняв, он мог действовать. Все детали свидетельствовали – гипноз! Скорее всего, она, видя, что все нападки в прессе бесполезны, обратилась к какому-то специалисту. И ее алиби – телемарафон! миллион зрителей! – гроша ломаного не стоит. Она вела марафон и язвительно усмехалась, думая – вот сейчас ноги несут Кузьмина по Трифионовской, вот он уже во дворе, а вот, как договаривались со специалистом, Кузьмин видит ее огромное лицо!

Нужно было понять, кто в городе промышляет такими штучками. Кузьмин не хотел, чтобы семья знала про его затеи, он не просил газет с объявлениями – кроме всего, очень неудобно обращаться с газетой, когда владеешь лишь одной рукой. Он шарил в Паутине и действительно набрел на некоторые городские адреса. Однако напрямую ни один шарлатан гипноза не предлагал, предстояла кропотливая работа по выявлению подлеца... .

В конце концов Кузьмин случайно обнаружил сайт для обездоленных. Безногий искал женщину от сорока до пятидесяти, согласную на переезд. Глухой – глухую. Слепой был согласен на жену – инвалида третьей группы по зрению. Некто в депрессии – искал собратьев, чтобы плакать вместе. Некто разочарованный – ждал поддержки от себе подобных, чтобы вместе проклинать несовершенство мира. И так далее... .

Сперва Кузьмин, набредя на убогий сайт, выскочил оттуда пулей. Сидя в Сетях, он вовсе не желал намеков на свое жалкое положение. Он уже достаточно приспособился отстукивать письма одной левой и часами не вспоминал, что навеки лишен движения. Потом он все же несколько раз туда возвращался. Сперва ему стало любопытно – до какой степени увечья надобно дойти, чтобы отказаться от мысли о супружеской близости? Потом он вскрыл письмо парализованного парня, повздыхал – и вечером попросил Галину отыскать довольно дорогое французское лекарство, которое ему самому ни малейшей пользы не принесло. Он написал парню, узнал его почтовый адрес, и Галина выслала ампулы.

Все-таки Кузьмин где-то в глубине души оставался врачом.

На сайт обездоленных он заглядывал не часто – раз в неделю, пожалуй, искал товарищей по несчастью, некоторым отвечал и давал советы. Когда бывшие подчиненные пришли поздравить его с днем рождения, их эта деятельность привела в восторг.

И все окончательно успокоились – Кузьмин и в таком бедственном состоянии нашел свое место в жизни... .

То письмо показалось ему дурацким. Автор заявил тему: если вас несправедливо обидела судьба – вам сюда! Кузьмин вскрыл – его спрашивали, как он относится к справедливости. От него ждали ответа – должна ли она, справедливость, торжествовать. И если да – вот внизу адрес сайта, синими буквами – www.uprava.ru. Добро пожаловать!

– То есть, нашлась и на вас управа... – пробормотал Кузьмин, кликая мышкой адрес.

Он оказался прав. Открылась заставка – темная, почти черная ночь во весь экран, выстроенные уходящей вдаль дорожкой горящие свечи, тень какая-то с воздетыми руками – словно бы служит тень панихиду. Следующий клик дал другую картинку – угол помещения, судя по грубой каменной кладке – средневекового подвала со сводами, в этот угол забились, скорчились и отмахиваются руками от возмездия мужчины и женщины с перекошенными лицами. Внизу же те самые слова: «Найдется и на вас управа!»

Кузьмин вспомнил об Ольге Чернооруцкой и стал разбираться дальше.

Оказалось – чтобы добиться справедливости, следовало заполнить анкету. Первым пунктом стояло: какого рода зло сотворил враг. Лишил денег? здоровья? кого-то из близких – жизни? просто – погубил репутацию? и так далее... Кузьмин кликнул «здоровье» и «репутацию». Хотя в душе он считал, что Чернооруцкая отняла у него жизнь, поскольку свое теперешнее существование мог считать жизнью с большой натяжкой.

К тому моменту он уже догадался, что получил приглашение неспроста.

Кто-то неизвестный, очевидно, работал с постоянными посетителями убогого сайта.

Следующий вопрос Кузьмина озадачил: сколько он готов заплатить за восстановление справедливости? Имелось в виду – деньгами. Кузьмин даже хмыкнул – уж не на биржу киллеров ли он угодил? Но, как всегда в жизни, решил идти до конца. Свое здоровье он оценил в тридцать тысяч зеленых – то есть, мог бы и в миллион, но рассудил здраво: он бы охотно расстался с четырехкомнатной квартирой и с дачей на речном берегу, лишь бы встать на ноги, а кроме дачи и квартиры у него, в сущности, ничего и нет, машина продана, деньги пущены на лечение, а машину зять трогать не надо, хотя и куплена за его деньги, зять все-таки дочь Галину и внучек возит.

Репутацию оценивать Кузьмин не стал вообще – потому что восстановить ее невозможно, разве что напустить на весь город эпидемию склероза.

Затем от него потребовали сообщить имя, если не имя – прозвище, хоть цифровой код. Он назвал себя Абдуллой, без всякого тайного смысла – это показалось ему забавным. И кликнул.

Через полминуты пришло сообщение – он зарегистрирован в uprava.ru, с чем его и поздравляют. Кроме того, он получил личный цифровой пароль для входа.

Кузьмин вошел и первым делом напоролся на следующий вопрос.

Ему предлагалось, если это не слишком его расстроит, изложить суть своей проблемы. Он не пожелал писать сочинение на вольную тему, а задал встречный вопрос: допустим, я поплачусь вам, незримые благодетели, в жилетку, и что же дальше?

Подозрительно быстро пришел ответ.

«Вы нуждаетесь в помощи. Мы хотим знать, какого рода помощь вам нужна».

Кузьмин извернулся иначе. Он любопытствовал: а что, если речь идет о вражде не на жизнь, а на смерть, помощь тоже гарантируется? Ответ был тот же. Очевидно, в программе был заложен какой-то сторож, отсекающий попытки болтовни не по существу.

Тогда Кузьмин решил заехать с другого края. Он убрался с uprava.ru, залез на другой сервер, предоставлявший бесплатные почтовые ящики, и оттуда, уже под другим именем – «faust007@yahoo.com» – вернулся обратно. Он по новой заполнил анкету, а когда дошло до сути проблемы, пустился во все тяжкие.

Он вообразил себя семнадцатилетним мальчиком, чья подружка пошла по дурному пути, стала любовницей богатого толстого дядьки, и таких дядек нужно убивать!

Грамотный от природы, Кузьмин был в большом затруднении, когда попытался внести в текст грамматические ошибки, свойственные, по его мнению, юному оболтусу.

На сей раз пришел другой ответ – предлагалось подождать двадцать четыре часа. Это было уже любопытно, и Кузьмин стал рассуждать – как действует сторож? Учитывает объем текста? Ключевые слова? Знаки препинания? Длину фразы?

Сутки спустя Кузьмин получил деловое предложение. Его попросили сообщить имя богатого дядьки, а также свои данные – рост, вес, занимался ли спортом, а если да – то каким, особое внимание почему-то уделилось зрению – обходится ли без очков, пользуется очками или линзами при чтении, при просмотре телепередач, постоянно?

Хмыкнув, Кузьмин ответил и на эти вопросы, а имя дядьки сочинил из головы. На сей раз ответ пришел через сорок восемь часов. Гласил он: «Такого человека в указанном вами населенном пункте нет. Ваша анкета аннулирована».

Кузьмин почуял любопытного противника!

Он открыл себе еще один бесплатный почтовый ящик, оттуда вышел в www.uprava.ru, заполнил уже третью по счету анкету и изложил историю одной своей бывшей подчиненной. У нее свекровь украла фамильные драгоценности и так все обставила, что дело вышло бездоказательное. Конечно же, он не помнил имени, фамилии и адреса свекрови, поэтому использовал то, что знал, – имя, фамилию и адрес санитарки Бибихиной, которую не так давно проводили на пенсию.

Сорок восемь часов спустя Кузьмину было сообщено, что Евдокия Бибихина никогда не имела сына, а только дочерей, и, следовательно, не может быть свекровью. Так что анкета опять аннулируется.

Вот тут Кузьмин всерьез задумался.

Чтобы убедиться в существовании придуманного богатого дядьки, достаточно было заглянуть в телефонную книгу или позвонить в справочный стол. Две дочери Бибихиной означали, что неведомые деятели www.uprava.ru всерьез докопались до старухи. Значит, тут не словоблудие – тут реальные люди были посланы собирать информацию...

Кузьмин отважился еще на один эксперимент. На сей раз он использовал другую историю, а сам выступил от имени человека пожилого, болезненного, со слабым зрением, но имеющего кое-какие средства. История была трехлетней давности – на одну из медсестер напали в подъезде и изнасиловали. Кузьмин же притворился ее отцом. На сей раз он подготовился тщательно – позвонил коллеге и попросил деликатно узнать, было ли заявлено в милицию, а если да – с каким результатом. Коллега с удивлением пообещал выяснить – и выяснил именно то, чего Кузьмин ждал. Медсестру уговорили забрать заявление, потому что дело – бездоказательное, в лицо она эту пару насильников не видела, по голосам узнать тоже не могла бы.

Сутки спустя был ответ. Кузьмину предлагался неожиданный вариант: наказать не насильников, а того следователя, который уговорил женщину забрать заявление. «Дело насильника – насиловать, дело следователя – поймать и обезвредить насильника» – лаконично сформулировал незримый противник. И далее оценил жизнь следователя всего-то навсего в пять-сот долларов.

Тут Кузьмин взбеленился. Пахло грандиозным надувательством! То есть, ты, страдалец, переведи на указанный счет деньги, а потом сиди и жди справедливости хоть до морковкина загавенья! Он отстукал яростное письмо на тему «и мы не лыком шиты».

Ответ пришел двое суток спустя. Это были кадры мини-фильма. К огромному своему удивлению, увидел Кузьмин и пострадавшую медсестру, что входила в дом, и двери местного отделения полиции, и сидящего в кабинете дядьку с погонами. Текст гласил: «Никаноров Михаил, 1958 г.р., принял заявление пострадавшей Юшмановой Валентины 4 декабря 2000 года, вернул 7 декабря 2000 года».

Кузьмин присвистнул и потянулся к телефону. Тут уж он потребовал, чтобы хоть из-под земли выкопали Юшманову. Ему дали домашний телефон. Возможно, он был груб с медсестрой, возможно, жесток – он уже ничего не соображал, пока не услышал от нее фамилию «Никаноров». Все совпало.

Кузьмин аннулировал свой заказ и дал себе слово не соваться больше в uprava.ru. Он продержался два дня.

На третий он уже писал длинное, яростное, в первом варианте – совершенно бестолковое письмо. Он честно признавался: «Я выгляжу дурак дураком, потому что не знаю, на кого ищут управы. В городе есть сильный гипнотизер, найти его мне не удалось, хотя его-то и следует обезвредить в первую очередь, поскольку он выступает как наемный киллер...» Подумав, он стер слово «наемный» и продолжал: «Но заказ сделала женщина, которая давно преследует меня своей клеветой!»

Письмо получилось гигантское, пришлось сокращать.

Ответ же был краток: жертвам гипнотизеров помощь оказывается стремительно и практически безвозмездно! От них требуется только максимум информации, всякой, даже смешной, даже совершенно незначительной.

Кузьмин усмехнулся – все это дело пахло безумием, но даже один шанс из миллиона стоил того, чтобы за него побороться. Он вспомнил ставшее огромным лицо Ольги Черно-руцкой, вспомнил свой ужас, вспомнил смертную тяжесть каменного угля – и начал набивать письмо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.